

Анна Змеевская
Александра Гринберг

16+

A romantic illustration of a young man and woman in a dark, gothic cathedral. The woman has long, wavy, light-colored hair and is wearing a dark, shimmering, floor-length gown with intricate patterns. The man is in a dark, textured suit. They are embracing, with the man looking at the woman. The background features high, arched ceilings and columns, with soft, golden light filtering through the arches. Small, glowing blue and white particles are scattered throughout the scene.

ТЕМНОЕ ПЛАМЯ

АКАДЕМИЯ СУМЕРЕК

Академия Сумерек

Александра Гринберг

Академия сумерек. Темное пламя

«Автор»

2021

Гринберг А.

Академия сумерек. Темное пламя / А. Гринберг — «Автор»,
2021 — (Академия Сумерек)

Лишь самым достойным магам королевства Астрэ дозволяется из своей искры разжечь пламя. Мне, дочери светлых магов, эта честь была уготована с рождения. Но... моё пламя оказалось темнее безлунной ночи. Чернокнижница? Для меня это прозвучало как приговор. Дочь лорда, невеста стража? Теперь я — изгой, безродная чужачка. Защитить меня некому, спасти от тех, кто желает мне смерти, — тоже. Смогу ли я выжить на факультете тёмных магов? Вряд ли. Но выбора у меня нет.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александра Гринберг, Анна Змеевская

Академия сумерек. Темное пламя

Глава 1

Солнце плыло к горизонту – медленно, но неотвратно. Совсем скоро лето сменится осенью, день – ночью, а моя жизнь...

Ну, моя жизнь останется при мне. Однако прежней уже никогда не будет.

С нервным вздохом вернув на место тяжёлую портьеру, я отошла от окна и окинула взглядом уютную девичью спальню в нежно-голубых тонах. Наверняка я вернусь сюда ещё не раз, но... больше не смогу назвать поместье Сеймуров своим домом.

На ближайшие шесть лет моим домом станет Академия. Да и фамилию Сеймур мне осталось носить не так уж долго.

– Ох, великие звёзды! – всплеснула руками матушка, едва вошла и увидела меня. – Лили, почему ты до сих пор не одета? Роберт прибудет с минуты на минуту!

– Ничего, подождёт, ему полезно, – буркнула я, неохотно обуваясь в новые туфельки. – Мама, не суетись ты так! Я готова, всего-то осталось влезть в платье – слава всем небесным сферам, мы не в эпоху кринолинов живём!

Мама чуть нахмурилась, удивившись несвойственной мне резкости, но тут же улыбнулась и стиснула меня в объятьях. И я поневоле расслабилась. Как ни строй из себя почти-что-замужнюю леди, а материнская забота приятна в любом возрасте. Кто говорит иначе, тот просто лукавит. Ну или выпендривается перед друзьями.

– Отчего ты так волнуешься, милая? Тебя ведь приняли, осталась лишь формальность...

Прибыть на торжественную церемонию посвящения. Пройти через Горнило Небесного Огня... на глазах у всей Академии Сумерек.

Воображение – вот же зараза! – охотно нарисовало картину маслом: я иду к пылающим воротам и заваливаюсь бесформенной кучей, запнувшись о какой-нибудь камешек. Или, что ещё лучше, запутавшись в собственных ногах. Я становлюсь жутко неуклюжей, когда нервничаю.

– Я уверена, ты в своё время волновалась ничуть не меньше.

– Твоя правда, милая, – не стала спорить мама. – Но могу тебя заверить – бояться нечего! Ожидание – худшая часть.

Сделала пару глубоких вдохов, успокаиваясь, и не без помощи матушки облачилась в специально пошитое для этого вечера платье – чудесный летний наряд из переливчатого мелантского шёлка цвета лаванды, что придавал моим голубым глазам лиловый оттенок. И кольцо прекрасно смотрится.

Я взглянула на то самое кольцо – крупный розовый бриллиант, обрамлённый россыпью камней помельче, на свету переливался всеми цветами радуги. Роскошное украшение, но на моей маленькой руке выглядит нелепо. И будь выбор за мной, я бы предпочла что-то поскромнее, да только...

Ну да. Глупо ожидать, что наследник благороднейшего и древнейшего дома Лайтнинг будет скромнее хоть в чём-нибудь.

Ладно, и с этим тоже можно смириться. Если уж я научилась любить Роберта, то и это страшно красивое кольцо как-нибудь полюблю.

– Ты выглядишь чудесно, моя милая девочка, – поспешила уверить мама, по-своему истолковав мои гримасы. – Прекрасна, как упавшая с неба звезда! Роберт будет сражён наповал!

Окинула критическим взором своё отражение в ростовом зеркале, улыбнулась чуть надменно. Я не из тех девиц, что озабочены лишь своим внешним видом – по крайней мере, мне хочется так думать, – однако свою красоту принимаю как данность. К чему скромничать? Я и впрямь хорошенькая. Может, менее высокая и стройная, чем хотелось бы, но всё же вполне довольна тем, что есть.

– Надеюсь, что так.

Откровенно говоря, куда больше встречи с женихом меня волновала церемония посвящения. Роберт от меня уже точно никуда не денется, а вот пройти через Горнило можно лишь раз в жизни!

Стать посвящённым – заветная мечта любого астрийца. Любого из тех, в ком есть осколок павшей звезды. Небесная искра. Вот только не каждому изначальному магу позволено из своей искры разжечь пламя. Лишь самым достойным... ну, или самым обеспеченным.

Но порой и деньги ничего не решают – не всякая искра горит достаточно ярко. Я, дочь потомственных светлых магов, могла бы и не переживать на этот счёт, но...

Я набрала в грудь побольше воздуха и подарила своему отражению свирепый взгляд. Никаких «но», Лисандра Элайн Сеймур. Академия Сумерек – твоё право по рождению, и тебе абсолютно нечего бояться.

Мама церемонно взяла меня под руку и вывела в полутёмный коридор. Мы спустились вниз по широкой лестнице, миновали парадную залу и вышли в главный холл, где нас уже ожидал отец.

– Ваша дочь, милорд супруг, – произнесла мама торжественно. Правда, вышло так себе – её голос немилосердно дрожал от едва сдерживаемых слёз и явного избытка эмоций.

Конечно же, Аделаида Сеймур, в девичестве Мартин, – настоящая леди, как и подобает всякой дочери высокого дома. Однако никакие правила и титулы не могли по-настоящему совладать с её характером – живым, легкомысленным и подчас вздорным. Отца, впрочем, это лишь забавляло, и матушку он искренне любил – хотя, казалось бы, двух более непохожих друг на друга людей не сыщешь во всём Астрэ.

Это утешает. У нас с Робертом тоже не слишком много общего, но, глядя на родителей, я верила, что наш брак будет не менее счастливым. Почему бы и нет?

– Сферы небесные, Лита! Ты провожаешь дочь в Академию, а не в гроб, – проворчал отец. Однако сам оглядел меня с явным удовольствием и даже будто бы чуточку растроганно.

– Ты красавица, Лили. Совсем как твоя мама, когда я впервые её увидел.

Я улыбнулась и поблагодарила отца, хотя, похоже, в нём говорит сентиментальность. Между мной и матерью есть сходство, но лишь поверхностное – светлые волосы, светлая кожа, голубые глаза. А ещё миниатюрное сложение и весьма... женственные формы.

«Помяни моё слово, Роб – спустя два десятка лет и пару детишек твоя невеста жутко расплывётся!» – любила съязвить на этот счёт Ребекка, вредная младшая сестрица моего жениха.

Может, так оно и было бы – я отнюдь не худышка, обожаю сладкое и ничего не имею против пары-тройки детишек... ну, не сейчас, но когда-нибудь. Да только магия – штука хлопотная и энергии потребляет немерено, что с полнотой не очень сочетается. Вот и матушка выглядит прекрасно, несмотря на шестой десяток лет, троих детей и любовь к сладостям, которую она разделяет со мной и моими младшими братьями.

С Карлосом и Кристофом мы ладим не в пример лучше, чем Роберт со своими сестрицами. Жаль, что они уже уехали, и вдвойне жаль, что увидимся мы нескоро. Если Академию разрешено покидать на выходные, то в Лирайском военном училище имени Бреннера Линча такой роскоши не дождёшься. Одни великие звёзды знают, когда я теперь увижу братьев.

И зачем только было отсылать их в такую даль? Мама тоже не в восторге, однако отец в своём стремлении сделать из мальчиков «настоящих мужчин и достойных сыновей рода

Сеймур» был непреклонен. Счастье, что я родилась девочкой и отучилась в обычной частной школе-полупансионе!

И минуты не прошло, как мажордом доложил о прибытии Роберта. Наконец-то мы с матушкой распрощались – ну в самом деле, будто я уезжаю не на пять дней, а на пять лет! – и отец повёл меня через холл к парадным дверям поместья.

– На полчаса раньше, а? – усмехнулся он. – Мелкому проходимцу прямо-таки не терпится наложить загребушие лапы на мою дочь.

– Папа, Роберт – порядочный человек!

– Роберт – несдержанный мальчишка, а ты куда красивее, чем он заслуживает. Невозможно тут быть порядочным, – снисходительно возразил отец, глянув на меня как на неразумное дитя. – Если тебе важно услышать это вслух, то я не против его... непорядочности.

Я едва не сбилась с шага. Не может же строгий и бескомпромиссный лорд Гаррет Сеймур в самом деле?..

– Что?

– Что? – он пожал плечами и снова посмотрел так, словно я... не блещу интеллектом, в общем. – Я знаю, каковы современные нравы, и знаю, каков твой Роберт. Он чуть душу из меня не вытряс, требуя назначить дату свадьбы и угрожая похитить тебя прямо из спальни. Думаешь, я поверю, что до дня середины зимы вы будете целомудренно держаться за руки? Дорогая, он тебе просто не позволит.

Он мне не позволит? А что насчёт моего позволения?!

Хотя... не уверена, что жажду знать ответ.

– Папа, ты же не серьёзно?

– Лили, он женится на тебе, хочет он того или нет. А он очень хочет. Я знаю, твоя мать – настоящая леди и тебя воспитала соответственно, но ваш с Робертом брак – вопрос решённый. Потому я лишь надеюсь, что вы будете осторожны. Понимаешь, о чём я? – Я машинально кивнула, всё ещё пытаюсь осмыслить тот факт, что мой отец спровадил меня в постель человека, которому лишь предстоит стать моим мужем. – Хорошо. Теперь идём, пока этот нахальный юнец не взял наш дом штурмом.

Как бы отец ни прохаживался насчёт Роберта, очевидно, что он в нём души не чает. И какой лорд откажется иметь такого сына – сильного и мужественного, посвящённого мага с хорошей репутацией и благородным нравом...

А то, что Роберт упрям как сотня боевых грифонов, бесцеремонен и самоуверен до безобразия – ну... Как говорит моя матушка: когда это было недостатком для мужчины? По крайней мере, сами мужчины именно так и считают. А я... что ж, я научилась любить Роберта с его недостатками. Это было не слишком трудно, когда он смотрел на меня так, словно я зажгла луну, солнце и все звёзды небесных сфер.

Прямо как сейчас, да.

Он едва ли не подбежал ко мне, стоило спуститься с каменных ступеней парадной лестницы. Замедлил шаг лишь в последний момент, чтобы чинно поклониться моему отцу, после чего столь же чинно, будто мы не подле моего дома, а на приёме у королевы, коснулся губами моей руки. По телу пробежала стайка мурашек, приятных и тёплых – Роберт, возможно, и не любовь всей моей жизни, но он мне приятен, симпатичен... нравится. Да и как может не нравиться кто-то вроде него?

Наследник почтенного и уважаемого лорда Ричарда, хозяина Блавенорских островов, красив ещё не мужской, но уже и не мальчишеской красотой, от которой впечатлительным девам впору падать в обморок и томно вздыхать в надушенные платочки. Высокий рост, каштановые кудри, пронзительно-синие глаза, черты лица столь идеальны, что впору выбить их в камне... Роберт безусловно красив, столь же безусловно богат, и из него наверняка выйдет идеальный муж, о котором просто обязана мечтать всякая девушка.

– Лили, ты выглядишь великолепно, – восхищённо проговорил он, так и не отпустив моей руки.

– Ты... тоже, – отозвалась я, улыбнулась ему. Возможно, менее радостно, чем стоило бы, но когда впереди самый важный день в твоей жизни, любовные интересы отходят на второй план.

– Ну же, Лили, разве так встречают своего жениха? – пожурил отец, отчего я изрядно смутилась.

Вот уж что-что, а прилюдные проявления чувств я считала чем-то неприличным. Всякие чувства любят тишину, будь то любовь или же злость. К чему демонстрировать то, что потом непременно будет обсуждаться во всяких гостиных? И отец об этом прекрасно знает. Что, впрочем, не помешало ему смотреть на меня эдак осуждающе.

Вздыхнув, я всё же коснулась губами щеки Роберта, на что тут же получила его сияющую улыбку. Будто последние недели, что мы не виделись, он только и ждал именно этого. Будто я сделала ему величайший подарок в мире.

Что ж, кажется, мужчинам для счастья не так уж и много нужно. Особенно если они влюблены и мысленно уже наверняка устроили ремонт в супружеских покоях.

– Роберт, – протянул мой отец, смерив будущего зятя нарочито грозным взором. – Добрался без происшествий?

– Да, сэр.

– Что ж, полагаю, я могу доверить тебе свою единственную дочь?

– Конечно, сэр!

Выдержав положенную пытку дежурной светской беседой и передав наилучшие пожелания от лорда и леди Лайтнинг, Роберт чинно распрощался с отцом и открыл передо мной дверь экипажа, запряжённого четвёркой белоснежных крылатых коней аркинарской породы. Одарив папеньку-сводника тяжёлым негодующим взглядом – тот лишь ухмыльнулся, наверняка вновь видя во мне образ своей вздорной супруги, – я забралась в карету.

Вскоре Роберт присоединился ко мне, и карета плавно поднялась в воздух. А я... я глазом не успела моргнуть, как очутилась на коленях у ретивого женишка!

– Роб, прекрати! Платье помнёшь!

– Да и Пекло с ним, цветочек мой, – хрипло рассмеялся Роберт, даже не думая выпускать меня из своей хватки. Я же жарко краснела, как и положено девице на выданье, и сама не знала, хочу прижаться к нему крепче или же оттолкнуть подальше. – Тебя одевать – только портить. А теперь поцелуй меня как следует.

Я послушно выполнила наглое требование, однако у моего жениха имелось своё представление о «как следует». Он всегда был напорист, но на сей раз словно брал штурмом неприступную крепость. Хотя... как-то так оно и есть.

Может, и впрямь я должна ему уступить? На мою невинность явно наплевать всем, кроме меня. Должно быть, в глазах Роба и всех прочих я выгляжу старомодной дурочкой, но...

Но хотя бы этот выбор я бы предпочла оставить за собой. Не потому, что являюсь поборницей чистоты до брака – вовсе нет. Просто все прочие выборы у меня уже отняли.

Дочь высокого лорда может иметь едва ли не всё на свете. Однако свобода в этот длинный список не входит.

– Роб!

– Тихо, мисс Зануда, не верещи. Неужели ты совсем по мне не скучала?

– Скучала...

Да! Скучала. Наверное.

Я люблю Роберта, честно. Да вот никак не могу отделаться от мысли, что мне его навязали. Выбрала бы я его по своей воле?..

Не знаю. В одну минуту мне хочется прильнуть к нему тесно-тесно, а в другую – бежать сломя голову. Слишком уж часто Роберт смущал меня своим напором и вынуждал чувствовать себя добычей. Глупенькой мышкой в лапах голодного кота.

Но бежать некуда. Хотя бы потому, что прямо сейчас мы высоко над землёй.

О, точно.

– Боги, Роб, ну... мы же в карете!

– И могли бы славно провести время, не будь ты такой врединой, – похабно ухмыльнулся Роберт. – Поверь, это было бы незабываемо...

Он запнулся и зашипел, когда мои пальцы зарылись в его непослушные волосы и с силой потянули.

– Не понаслышке это знаешь, да, Роберт?

– Не только врединая, но и ревнивица, – посетовал он, старательно сдерживая смех. – Одарил же батюшка невестой!

– Ой, кто бы говорил!

Ну правда. Сам же норовит влезть в драку всякий раз, стоит какому-нибудь несчастному болвану чересчур заглядеться в вырез моего платья. А происходит это довольно часто – скромность, когда-то украшавшая девушку, нынче совсем не в моде; да и, признаться, посмотреть у меня есть на что. Очень даже.

Моего грозного взгляда Роберт ничуть не утратился – напротив, одарил меня очередной ухмылочкой из тех, с которыми отпускают дамам не самые приличные комплименты. Погладил моё плечо, медленно потянул вниз шифоновый рукав...

– Ну уж нет, – заявила я, соскакивая с его колен и спешно усаживаясь напротив. Демонстративно расправила подол платья, прижала к коленям ридикюль. – Не в карете, не в воздухе, не за полчаса до прибытия в Академию, мистер Лайтнинг!

– А, то есть варианты всё же рассматриваются? – тут же нашёлся с ответом Роберт.

Вот ведь пройдоха! Но я в долгу не осталась:

– Их буду рассматривать только я. И только после распределения, – и демонстративно уставилась в окно, из которого открывался захватывающий дух вид на Весперас, столицу королевства Астрэ.

Роберта, разумеется, хватило ненадолго – он пробурчал что-то себе под нос, тоже поглазил в окошко, а потом подсел ко мне, тесно прижавшись. На колени к себе больше не тащил, но за плечо приобнял и ладонь на моем колене устроил. Ну ладно, против этого я, пожалуй, ничего не имею. Когда Роберт взялся рассказывать об Академии, стало совсем хорошо – рассказчик он превосходный (ну и ещё то трепло, по мнению моих братьев), а мне очень интересно узнать, где и как я проведу следующие шесть лет своей жизни.

Разумеется, об Академии я знала и прежде. О её нравах и быте, о трёх факультетах, с которых выпускались лучшие маги нашего королевства. О предметах, сложных, если искры в тебе недостаточно, и более лёгких, если магии в тебе много. Во мне – много, по словам школьных учителей и матери, которая без устали твердила, что я непременно пойду в неё и отца. Что буду такой же сильной и, если повезет, знаменитой, что попаду ко двору королевы и буду блистать. Такова судьба леди благородного дома, способной, усердной, светлой...

Всё это я знала, однако не смогла сдержать восхищенного вздоха, когда карета наконец опустилась на землю, а передо мной предстали ворота Академии Сумерек – внушительные, кованые, высокие настолько, что перелезть через них не взялись бы ни Карлос, ни Кристоф, те ещё бесстрашные школьники. Вместо опор у ворот две статуи. Царица Ночи – прекрасная женщина, что держит в руках луну и звезды; и Сына Зари – великий рыцарь, принёсший свет в королевство Астрэ и весь подлунный мир. На самих же воротах выкован герб Академии: перекрещенные посох и свиток, символы знаний и магии.

Возле ворот постепенно собирались люди – мы с Робертом не были ни первыми, ни последними прибывшими. Кто-то выходил из карет вроде нашей, и те тут же взмывали в воздух снова, чтобы не занимать подъездную дорожку; кто-то выходил из переливающегося белым и синим портала, расположившегося на небольшой площадке возле ворот. Кто-то же материализовался прямо из воздуха с небольшим хлопком. То были счастливые владельцы редчайших и очень дорогих артефактов – телепортов, стоящих так дорого, что даже в нашем доме, отнюдь не самом бедном, на всю семью имелся всего один и хранился в отцовском сейфе. На крайний случай.

Почти все из прибывших были знакомы друг с другом: здоровались и обменивались впечатлениями, или же ограничивались взглядами и кивками, если знакомство было поверхностным. А кое-кто и косился на других с нескрываемым недовольством.

– Эй, Лайтнинг! – послышался чей-то нахальный голос. – Кто это с тобой? Ещё не всех красоток перебрал, а?

– Шёл бы ты, Фарли, с демоном любиться! – огрызнулся Роберт вспыхнув в самом буквальном смысле этого слова – рой золотисто-оранжевых искр закружился возле нас. Огонь – ключевая стихия стражей, это всем известно. – Не слушай эту образину, тёмным лишь бы гадость какую ляпнуть...

– Сам брехло, – радостно парировал этот самый Фарли – добродушного вида громила. Никогда не подумаешь, что и впрямь тёмный. – Бросай этого светлого зануду, милашка! Я повеселей буду, и в постели тоже!..

Я в ужасе уставилась на жениха, который всё больше смахивал на тлеющую головёшку, и приготовилась разнимать драку, но тут громила испуганно втянул голову в плечи – к нему стремительной походкой подошёл другой парень. Высокий, стройный и очень красивый. Чёрные глаза смотрели грозно и цепко, а аккуратно причёсанные тёмные волосы отливали рубиново-красным.

Приметные волосы. Будь я проклята, если его фамилия не Сангстер.

– Ну-ка извинился! – рыкнул он, влепив знатную затрещину ойкнувшему здоровяку. И тут же, ухмыльнувшись, прибавил: – Перед леди Лисандрой. Лайтнинг обойдётся.

– Мои извинения, леди Лисандра, – Фарли на удивление изящно раскланялся. Гипотетический Сангстер смерил Роберта надменным взглядом, кивнул мне и, цепко ухватив за локоть своего дружка, поволок того куда-то.

– Везёт же всяким светлым мудакам! – разорвался тот, не трудясь понизить голос. – А это точно Лисандра? Не похожа на Сеймуров-то...

– Значит, в мать пошла. Девушки Мартинов недаром славятся как первые красавицы королевства.

– А...

– Дики, я не пойму, тебе жить надоело? Иди на ту сторону, братца встречай, раз делать нехрен!

– Ладно, ладно!

– Придурки, – сердито фыркнул Роберт и повёл меня дальше, кого-то высматривая в толпе. – Одним словом, тёмные!

– А по-моему, довольно милые джентльмены, – заметила я мстительно – пассаж про красоток не прошёл мимо моего внимания. – Особенно тот красненький.

– Тибериус Сангстер, потомственный некромант – милый?! Ох, девчонки...

Как по мне, так любой тёмный, некромант или нет, в разы милее Бекки и Роуз, сестёр Роберта, к которым он меня потащил. Нет, они очень... хорошие девушки. Наверное. Безусловно светлые, с безупречным воспитанием и вкусом. Однако задаваки жуткие и меня откровенно недолюбливают. Почему? Понятия не имею. Скорее всего, дело в обычной женской рев-

ности: матери и сёстры не слишком любят, когда в семью попадает другая женщина и отбирает внимание одного из их мужчин.

По счастью, долго общаться с будущими родственницами мне не пришлось: я лишь поздоровалась с ними и, едва завидев свою лучшую подругу Элизу Холгер, поспешила к ней. Элиза в этом году тоже поступает на первый курс. Мы обе не знали, что будет дальше, обе до дрожи в коленках боялись Горнила и распределения: а ну как вредный артефакт отправит к практикам? Нет, к практикам у меня никаких претензий, они очень полезные маги, и когда-то я даже мечтала стать артефактором, но... С артефактами у меня вообще беда. Сколько прежние учителя ни бились надо мной, я так и не смогла добиться худо-бедно пристойных результатов.

Кроме того, все были уверены, что я пошла в Мартинов и стану целителем, как мама. И заодно твердили, что негоже дочери светлого рода мечтать о судьбе нейтрала. Находились и такие, что звали их серостью и обслугой. Никогда не понимала подобного лицемерия, ведь без «обслуги» не было бы ни современных лекарств, ни телепортов, ни элегантно плывущих по воздуху карет... Да много чего!

В целители меня определили... ну да, потому что якобы вся в матушку. Послушная и женственная, деликатная и миролюбивая. Всегда милая со всеми. Одним словом, мягкая и податливая, как вода.

Вот только я-то знаю, какова я на самом деле. Скрытная и скептическая, недоверчивая и ревнивая. Всегда себе на уме. Непоколебимая стихия земли, привечающая артефакторов, подошла бы мне куда больше. А Роб вечно хихикал, что с моим упрямством и педантизмом хорошо бы в клерики, святое слово зубрить...

Оттого я, должно быть, и волнуюсь. Горнило – не родители, не жених и не подружки. Его не обманешь. Оно всем расскажет, кто я есть.

Бекки вскоре к нам присоединилась, а вместе с ней и наша общая подруга – надменная рыжеволосая красавица Лорел. Ну, я и не надеялась надолго избавиться от этой парочки: мы все ровесницы, дочери порядочных светлых семей, знаем друг друга едва ли не с детства... Словом, деваться некуда. Ни мне, ни Бекки.

– Красивое платье, – заметила она чуть ворчливо. По-видимому, тоже поняла, что от меня уже не избавиться. – Цвет тебе очень к лицу.

– Спасибо...

– Точно! – поддакнула Элиза. – Говорила же тебе, фиолетовый – твой цвет! Смотри-ка, глаза сияют, как сумеречные алмазы... Или всему виной не платье, а лихой женишок?

Девчонки лукаво переглянулись и дружно захихикали, даже сестрица Роберта неохотно присоединилась.

– Тьфу на вас, трещотки! Одни женишки на уме, – упрекнула я шутливо. – Как вы можете думать о чём-то кроме распределения?

– С трудом, – посмурнела Элиза, а Бекки недовольно фыркнула.

– Ничего с нами не сделается, Лисандра. Не отправит же нас эта штука на тёмный факультет? Ну вот и ладно.

Оглядевшись, я поняла, что возле ворот остались одни лишь первокурсники. Старшие, за исключением старост, в числе которых я заметила Сангстера, уже успели пройти в замок. Точнее, в два замка – Академия Сумерек хоть и представляла собой цельное здание, однако же левое и правое крыло отличались друг от друга настолько разительно, насколько позволял хороший вкус древнего архитектора.

Крыло тёмных – сплошь устремлённые вверх башни и шпили, чьи своды поддерживали основательные, но изящные контрфорсы, на которых через одну красовались статуи грифонов и горгулий. Тёмные твари, прямо как те, кто учится на факультете чернокнижников.

Крыло светлых – всё те же башни, только куда более приземистые и как будто бы... светлые, да. То есть нет, конечно, камень всюду был одинаков, просто... ощущение такое, что

ли. И простора куда больше: всюду колоннады и галереи для прогулок, сами здания выглядят основательнее и больше. Оно и верно. Это тёмные издавна стремятся забиться в нору поглубже или в башню повыше, светлым же нужны простор и свобода.

Пока я пялилась на Академию (невесть зачем – учиться мне тут шесть лет, успею налюбоваться), нам навстречу вышла... отчего-то захотелось окрестить женщину ведьмой, однако это слово я даже про себя произнести побоялась. Да и на ведьму, по крайней мере ту, что из страшных детских сказочек, она вовсе не похожа – скорее уж на леди какого-нибудь знатного дома. Очень красивая, высокая, с великолепной осанкой и на таких безумных каблуках, что каждая из девчонок непременно пожелала бы узнать, кому тут можно продать душу, чтобы расхаживать на таких по местной брусчатке, не переломав при этом ноги. Леди, безусловная леди... Разумеется, если допустить, что леди из знатного рода станет носить мужской брючный костюм (даже с галстуком!) и стричь светлые густые волосы куда выше плеч.

– Это Кейт Гримвард, – зашептала Ребекка. – Редкостная сука, как говорят...

– Для вас я – магистр Гримвард.

Я понадеялась, что она просто решила представиться, а не услышала Бекки – заранее портить отношения с преподавательницей мне уж точно не хотелось. Надеяться, впрочем, не приходилось – ледяной взгляд серых глаз скользнул по нам обеим, и я невольно поёжилась.

– Коль уж я вытащила короткую соломинку и мне выпала невероятная *честь*, – в этом слове я явственно услышала неприкрытый сарказм, – сопроводить вас на церемонию распределения, введу вас в курс дела. Подробности о жизни факультетов вам расскажут те, кому не будет лень, поэтому экскурс будет кратким. Итак, Академия Сумерек состоит из трёх факультетов. Факультет чернокнижников – для благородных тёмных магов, желающих посвятить свою жизнь некромантии, малефицизму, ментальной магии и демонологии. Факультет чародеев – для магов ещё более благородных и охочих до подвигов разного рода. На нём обучаются клерики, стражи, заклинатели и целители. И наконец, факультет практиков – для тех, кому суждено активно работать руками и головой. То есть зельеваров, алхимиков, монстрологов и артефакторов. Самые полезные люди, как по мне, незаслуженно недооцененные в нашем равноправном обществе. Каждый из присутствующих здесь, безусловно, обладает искрой. Иначе вы бы просто не получили приглашение в Академию Сумерек. Осталось только выяснить, какова именно ваша склонность.

Магистр Гримвард сделала короткую паузу, давая тем, кто не знал всего этого, уложить информацию в голове. Я вот знала, однако всё равно облегчённо выдохнула на словах об искре в каждом из нас. Значит, я останусь в Академии, меня не отправят с позором домой, как бесполезную дочь своего рода.

– Всем вам предстоит пройти через Горнило Небесного Огня. Не ждите экзаменов, испытаний или чего-то такого. Не думайте, что вам удастся его обмануть или уговорить отправить вас туда, где вы хотите учиться. Некоторые из вас, – взгляд магистра снова скользнул по Ребекке и почему-то по мне, – наверняка думают иначе, но я вас уверяю – зря. Горнило видит не ваши прежние достижения в науках, не ваши оценки в школах и даже не ваши желания. Оно видит вашу суть. И никогда не ошибается. После распределения вы обзаведетесь своими первыми татуировками. У тёмных магов они будут чёрными, у светлых – белыми, у практиков – серыми. Со специализацией и профильными предметами вам помогут определиться чуть позже. Вопросы есть? Отлично. Следуйте за мной.

Она развернулась, махнула рукой – ворота Академии приглашающе распахнулись перед нами, – и с невиданной легкостью, уж как для обладательницы таких туфель, направилась в сторону замка.

Все важные события должны вершиться в сумерках.

Солнце уже почти село, однако во внутреннем дворе старинного замка было светло, почти как днём. Горнило Небесного Огня представляло собой высокую каменную арку, испещ-

ренную множеством рун, половину из которых я знать не знала. В школе мы изучали лишь один из четырех рунных алфавитов – Изначальный. Внутри же арки сияло серебристо-белое пламя.

Даже смотреть больно. Как прикажете нырять туда целиком?

Спокойно, Лили. Все посвящённые через это прошли, и пока ещё никто не умер. Ты вряд ли станешь первой.

Возле Горнила стоял симпатичный мужчина средних лет, в котором я признала архимагистра Уэйна Ливингстоуна. Видела его пару раз на одном из бесконечных званых вечеров, куда нас с братьями исправно таскали родители. И всякий раз удивлялась, до чего хорошо сохранился бессменный ректор Академии. Вон, некоторые девчонки уже восторженно охают и лихорадочно поправляют причёски...

На что они, интересно, надеются? Ректор давно вторую сотню разменял, что ему очередная пачка влюблённых студенток?

– Мои юные друзья! – разнёсся вокруг его звучный голос, явно усиленный чарами. – Рад приветствовать вас в Академии Сумерек. Каждый год здесь собираются достойнейшие изначальные маги королевства Астрэ, и в честь них – в честь вас, господа и дамы! – разжигается Горнило Небесного Огня. Один из величайших артефактов подлунного мира, оно обладает способностью в считанные секунды раскрыть дремлющий в вас потенциал. Вы пронесёте сквозь эти врата свою звёздную искру, а когда выйдете – будете пылать подобно настоящей звезде... Сегодня, прямо сейчас! И вспыхнет пламя!

– И вспыхнет пламя! – отозвался нестройный хор студентов, столпившихся у края площадки.

Мы выстроились в очередь, кто с опаской, кто с нетерпением. Народу собралось немало – Роберт говорил как-то, ежегодно в Академию поступает до трёх сотен магов со всего королевства, – однако распределение для большинства проходило довольно быстро. Некоторые застревали в магическом пламени на добрую минуту, а то и две, но большинство проскакивало секунд за десять-двадцать. И всякий раз арка вспыхивала ярче прежнего: пронзительно-голубым пламенем для светлого мага, сумрачно-синим – для тёмного. Пламя нейтралов оставалось белым, но полыхало ничуть не хуже.

Всех прошедших испытание огнём встречал ректор самолично – благостным тоном озвучивал вердикт, пожимал руку новоиспеченной «звезде» и отправлял к одному из трёх магистров, стоящих чуть поодаль. Вокруг куратора нейтралов собралась небольшая толпа, у двух других магистров результаты были поскромнее, но примерно равные. Почему-то всегда думала, что тёмных поступает гораздо меньше, чем нас, светлых...

– Мисс Ребекка Лайтнинг, мои поздравления! Добро пожаловать к чародеям! – услышала я. И поняла, что настал мой черёд.

Набрав в грудь побольше воздуха, зажмурилась и едва не бегом двинулась навстречу ревущему пламени.

Я действительно горела, но странным образом это не было больно. Пламя сожгло меня дотла, переплавило во что-то новое. Я была ничем и всем сразу, нигде и везде. Крошечная песчинка. Сияющий небесный гигант.

Свет? Тьма? Выбор сделан давным-давно и сейчас до смешного очевиден...

Мир вокруг обрёл чёткость. Он был прежним, но другим; искристо-белое сияние сменилось сумрачной синевой, взволнованный гомон – ошеломлённым молчанием.

Да в чём дело?..

– Мисс Лисандра Сеймур, – раздался голос архимагистра. Звучал он по-прежнему бодро, однако с выражением обманчиво молодежавого лица никак не вязался. – Чернокнижники рады приветствовать вас.

На какой-то миг мне показалось, будто я оглохла. Слепла, наверное, тоже, потому что не видела перед собой ничего. Только лицо архимагистра Ливингстоуна, собственное предплечье,

по которому змеилась, пачкала, отравляла моё тело и душу, татуировка. Чёрная-чёрная. Она и похожа-то на змею, жуткую, непременно ядовитую – только отведи взгляд, тотчас же укусит. Если не меня, то кого-нибудь ещё.

– Да отомри уже, Сеймур! – чужой звонкий голос заставил меня очнуться, оторвать взгляд от своей руки. – На факультете тёмных никто уже лет сто не помирал, вряд ли ты снова откроешь счет. Хотя, с везением у тебя не очень...

Я подняла голову, тут же столкнулась со взглядом тёмно-серых, почти чёрных глаз, не слишком подходящих к белобрысой шевелюре. Лэндон Гилберт, наследник едва ли не самой паршивой тёмной семейки во всём Астрэ. И уж точно самой богатой.

– Мистер Гилберт, будьте так любезны, – шикнула на него магистр Гримвард, – закройте рот, пока вам его не закрыла я. Мисс Сеймур, пройдите к своим однокурсникам.

Я зачем-то кивнула в ответ и послушно побрела... к «своим». Ни разу нет, и ноги меня вовсе не держат, а всё моё существо тянется бежать отсюда прочь, не оборачиваясь, не... Со ступеньки, которую я не заметила, мне не дала свалиться очень смуглая, иноземной наружности девушка, не так давно распределённая к чернокнижникам. Имени её я не запомнила, и теперь с ужасом осознавала, что зря. Мне ведь учиться с ними. А также с Сангстером, Фарли, Гилбертом и боги знают с кем ещё...

С тёмными магами, которыми меня пугали с самого детства.

– Эй, всё хорошо, – прошептала девушка. – Так бывает, я читала...

– Вот *так* – вообще-то нет, не бывает, – вновь послышался голос Лэндона, и вполтину не такой громкий, как прежде, но всё равно будто оглушающий. – Семнадцать колен чистой светлой крови! Признавайся, Сеймур, тебя подкинули? Или мама с папой не дураки сходить налево?

– Оставь её в покое! – прошипела моя внезапная защитница. Стоило бы мне, но язык во рту даже и не думал ворочаться, а слова не шли на ум. Хотелось просто... исчезнуть.

– С чего вдруг? – едко возразил он. – Её-то светлые дружки нас которое столетие в покое оставить не могут.

– Шёл бы и огрызался на моих светлых дружков, гер-рой, – процедила я тихо, но неожиданно зло. Нутро точно кипятком ожгло, и руки зачесались треснуть разок по надменной физиономии зарвавшегося тёмного мажонка. – Для нападков на беззащитную девушку много смелости не нужно.

Оцепенение спало, сменившись бессильной яростью, а затем и паническим ужасом. Бежать, бежать отсюда со всех ног! Плевать, что до конца распределения ещё добрый час и сотня студентов. Плевать, что не знаю, куда идти. Куда, зачем?.. Плевать. Лишь бы подальше отсюда. Не то не сдержусь и либо разрыдаюсь у всех на виду, либо наброшусь на какого-нибудь не в меру остроумного однокурсника.

Вполне буквально наброшусь. Великие звёзды, я ведь в жизни ни на кого руку не поднимала! Неужели тьма и впрямь непоправимо уродует людей?

– Беззащитная, мать её, девушка, – донеслось уже в спину. – Амулет мне разрядила. Чуете? Аж до костей продрало...

Что имел в виду недоносок Гилберт, мне узнать не довелось. Да и не особо хотелось. На душе скреблись кошки и тянуло лишь забиться в уголок поукромнее, чтобы там же тихонько сдохнуть. Однако же я шла с высоко поднятой головой, выпрямившись так, что плечи заломило, а студенты расступались передо мной и таранились так, словно у меня выросла вторая голова. Мерзавка Бекки явно в восторге от моего унижения, а Лорел и Элиза кривились, точно их обеих сунули в навозную кучу.

«Как мы могли не заметить это гнусное исчадие тьмы, затаившееся среди нас?» – наверняка думали они. А Бекки небось первым делом заявила: «Я всегда знала – с ней что-то не так!»

И затем вся троица, прежде так усердно осыпавшая льстивыми комплиментами единственную дочь лорда Сеймура, принялась ненавидеть меня ровно с тем же усердием.

Я же ненавидела их. И вообще всех. Весь проклятый подлунный мир.

Не плакать, Лили. Не здесь. Не имеешь права. Тебя и без того сожрут, дай только повод.

– Далеко собралась, красотуля? – послышался уже знакомый басок. На плечо легла тяжёлая рука. – Дороги ведь не знаешь.

– Найду как-нибудь, уж не в дремучем лесу потерялась, – бросила я. И снова обозлилась – теперь уже на собственный голос, жалкий и немилосердно дрожащий.

Ричард Фарли на мою непростительную грубость лишь ухмыльнулся и по-хозяйски поволок меня куда-то. Хочется верить, что в жилую часть замка.

– А я ж сразу понял, что ты ещё та штучка, – хмыкнул он, едва мы очутились в полутёмном холле. – Полегче, красотуля, не съем. Чай не дракон, юными девами не питаюсь, они для другого надобны...

– Зачем тебе это? – к счастью, на сей раз голос меня не подвёл.

– Что? – непонимающе переспросил Фарли. – А! Ну так это, следи за руками: ты первокурсница, а я нет. Ты девчонка, а я нет. Ты типа светлая... ну, была. А я нет. Квакнет чего какой-нибудь Гилберт, а я ему сразу в бубен. Уяснила, красотуля?

Я было кивнула, а потом спросила хмуро:

– Ты так и не ответил – зачем тебе это?

– Ну... это... блондинок люблю – просто пи... то есть, хм, сил нет, спать не могу! Видала Гримвард? Огонь баба... в смысле, роскошная женщина! Женюсь, видит Царица!

– А она пойдёт? – невольно улыбнулась я. Представить Фарли опускающимся на одно колено перед магистром было легко, а вот её согласие – как-то не очень.

Ричард расстроено помогал головой, взъерошил без того встрёпанную тёмно-русую шевелюру и махнул рукой куда-то в сторону.

– Не пойдёт, но помечтать-то можно, м? О, точно! На тебе женюсь. За меня пойдёшь, леди Лисандра?

Меня будто кипятком обожгло. Не от шутливого предложения, вовсе нет. От осознания, от воспоминания... У меня ведь есть жених. Благородный и знатный Роберт Лайтнинг, всего-то несколько часов назад фривольно тащивший меня к себе на колени. Теперь же... Не знаю, что теперь. Рода светлее, чем Лайтнинги, не сыскать во всём королевстве. Они ни за что не допустят, чтобы чернокнижница стала женой их сына.

Даже не будь они ярыми противниками чёрной магии, ничего бы не изменилось – от такой невестки разве дождёшься правильных внуков? Только родовую магию угробит. Ведь тёмная кровь почти всегда перебивает светлую.

Я бросила взгляд на своё – или уже чужое? – кольцо. Такое красивое, хоть и немного вульгарное, как по мне. Ещё утром оно казалось мне всего лишь несколько неподходящим, сейчас же было ощущение, будто оно мне вовсе чуждо, словно с ним на пальце я как в чужой шкуре...

Я всё же умудрилась споткнуться – Ричарду пришлось крепче обхватить меня за плечи, не давая упасть. Мой взгляд он понял правильно и, внезапно прекратив строить из себя туповатого громилу, проговорил вполне серьёзно:

– Эй, извини, ладно? Я не подумал.

– Пустое, – отмахнулась я с напускным безразличием. – Всё нормально.

Нет. Не нормально. Вся моя жизнь разрушилась в один миг. И ничего тут не поделаешь.

Остальной путь мы прошли в молчании. Фарли только иногда махал кому-то рукой и коротко здоровался, не останавливаясь даже для короткой обмена свежей сплетней – как же, потомственная светлая вдруг очутилась на факультете тёмных! – и споро вёл меня по коридорам Академии. Не уверена, что запомнила дорогу и не заблужусь завтра.

Когда мы дошли до тяжёлой дубовой двери с железной оковкой – ну прямо вход в жуткое подземелье, не иначе, – Фарли снова придержал меня, не давая взяться за изогнутую кованую ручку. Сам открыл передо мной дверь и склонился в низком поклоне, приложив ладонь к груди.

– Прошу, леди Лисандра. Ваш новый дом, он же гадюшник!

Гадюшник или нет, но в большом холле было весьма чисто. Ну, насколько я могла судить в своём нынешнем состоянии – в голове вихрем кружились мысли, не желая складываться в хотя бы одну дельную. Тут уж не до разглядывания интерьеров. Я только и смогла отметить некоторую мрачность обстановки: светлые обои, но мебель, шторы и прочий декор – сплошь тёмные. Чёрный, синий и тёмно-фиолетовый – вот и всё разнообразие.

Большинство студентов наблюдали за распределением, однако народу в общем зале хватало... и все дружно уставились на меня. Не ожидали девицу Сеймур на своём факультете или просто жаждали сплетен?.. В любом случае, разговаривать я не сильно хотела и удивлённое «Дики, балбес, опять твои шуточки? Кого ты к нам притащил?!» напрочь проигнорировала. Даже не обратила внимания, кто это сказал, настолько мне хотелось оказаться подальше отсюда.

– Я не знаю, какая у меня комната...

Фарли красноречиво закатил глаза, ткнул пальцем в висящий прямо возле двери длинный список, на котором проявлялись всё новые имена. Будто кто-то невидимый выжигал их на чёрной табличке. Своё я обнаружила примерно в середине списка.

– Четвёртый этаж, правое крыло, комната четыреста двадцать.

– О, повезло! Аж два окна, и тол.. в смысле, туалет и душевые рядом.

– Ну хоть в чём-то мне сегодня повезло, – проворчала я.

Однако тут же устыдилась, ведь парень здорово меня выручил. Да и вбитые едва не с младенчества манеры одним Горнилом не угробить.

Спохватившись, я вежливо улыбнулась и склонила голову, на автомате изобразив идеальный книксен.

– Благодарю за помощь, мистер Фарли. Я этого не забуду.

– Ишь, какая краля, – фыркнул Ричард, вроде и насмешливо, но вместе с тем добродушно. – Ясен-красен, как меня такого прекрасного позабыть? Только я никакой не мистер, а просто Дик. Идёт? – Я чуть смутилась от таких вольностей, но послушно кивнула. – И благодарить особо не за что. Негоже это – первачков в беде бросать... Ну что, проводить тебя до комнаты?

– Не надо, спасибо. Я... пойду.

Как добиралась до своего нового жилища, толком и не запомнила. Но пока добралась, реветь перестала. Вернее, просто не смогла проронить ни слезинки.

Иногда горе настолько велико, что слезам просто не остаётся места.

Я упрямая и целеустремлённая – отнюдь не тот нежный цветочек, каким меня видят окружающие. Уж наверняка пережила бы распределение на факультет тёмных; смирилась бы с косыми взглядами и недружелюбной атмосферой... Много бы пережила. Но не жуткое, невероятное, просто чудовищное подозрение, что моя семья мне вовсе не семья.

Даже если я и впрямь дочь своих родителей, для них это ничего не изменит.

Тёмное дитя не может быть ничем, кроме позора. Крах репутации, разрушенные брачные перспективы, загубленная родовая магия... Я не надеялась, что семья примет вердикт Горнила, однако сегодня, в этот ужасный вечер, позволила себе глупую, отчаянную веру в то, что родительская любовь окажется сильнее предрассудков. Ведь я, несмотря ни на что, осталась прежней!

Нет, Лили. Нет. Препрежней ты уже никогда не будешь. Вопрос лишь в том, кто ты теперь такая и что тебе с этим со всем делать.

Не знаю. И знать не хочу.

Глава 2

Полночи я пялилась в окно. В два окна. Потом усталость взяла верх, и я, неожиданно для себя самой, уснула крепко и безо всяких сновидений.

Пробуждение вышло не из приятных. Я никогда не была ранней пташкой, но сегодня вовсе едва заставила себя подняться с постели. И то лишь потому, что в дверь моей комнаты кто-то настойчиво тарабанил.

Кому я понадобилась с самого утра – тот ещё вопрос.

– Минуту...

Я набросила на плечи халат, чтобы не представлять перед гостем в ночной рубашке, и пошла открывать. За дверью оказалась уже знакомая девушка – смуглая, темноволосая, очень симпатичная и вроде бы вполне доброжелательная.

– Утра, – поздоровалась она, махнув рукой в знак приветствия. – Так и знала, что сама ты не встанешь. Собирайся быстрее и идём в душ, а то будем в очереди стоять. Я, кстати, Альмира, но ты можешь звать меня Мирой.

– Лисандра, – зачем-то представилась я и тут же смутилась. Для Миры моё имя явно не секрет – вчерашний день и моё распределение запомнили многие. А ещё на моей двери уже красуется табличка с именем. – Друзья зовут меня Лили...

Ладно, спишу свою внезапную глупость на недостаток сна и знатный невроз.

– Ага, я запомнила, – улыбнулась Мира. – У тебя пять минут, иначе будем чистить зубы в общих туалетах.

Чистить зубы под прицелом множества косых взглядов – тоже сомнительное удовольствие, как выяснилось. А вот сама ванная комната приятно удивила – просторная и даже роскошная, чего обычно не ждёшь от всяких там общественных купален. Куда симпатичнее и приятнее, чем успело нарисовать моё избалованное личными апартаментами воображение.

Жилые комнаты тоже оказались довольно просторными и уютными, шкафы – вместительными, а кровати – удобными. Нашлось место даже для письменного стола и книжной полки. Можно будет забрать из дома пяток-другой особо любимых книжек...

Если меня, конечно, пустят на порог.

Мысли о вчерашней катастрофе я старательно гнала прочь. Может, не слишком умное решение, ведь проблема не рассосётся сама собой, но нервный срыв в первый учебный день – последнее, что мне сейчас нужно.

Когда я пришла в комнату вчера вечером, мой чемодан уже стоял возле шкафа. В шкафу же обнаружилось аж пять комплектов школьной формы: два летних, два зимних и ещё нечто вроде спортивной одежды. Физподготовка в Академии не являлась обязательным предметом, но не будет лишним хоть изредка появляться в фехтовальном зале. С мечами, рапирами и прочей колюще-рубящей дребеденью я не слишком дружна, однако основы знаю. И даже вполне неплохо обращаюсь с ножом – Карлос научил, справедливо полагая, что в толпе магов надеяться на одну магию весьма опрометчиво.

Мысль о братьях отозвалась тупой ноющей болью в груди. Когда я увижу их снова? Увижу ли вообще?..

Помявшись между двумя комплектами формы, выбрала тот, что с юбкой – всё немного попривычнее. Юбка, правда, едва достаёт до колен. В жизни не носила настолько открытую одежду! Хотелось, врать не буду, но мама подобной фривольности не одобряла. А маму я старалась не расстраивать.

Ну, теперь-то я, похоже, могу носить что пожелаю.

Тряхнув головой, открыла дверцу шкафа и критически оглядела себя в зеркале. А, ладно, тут ведь все так ходят! Ноги у меня вроде ничего. И цвет у формы красивый – чер-

нильно-синий. А ещё практичный! На сизую форму нейтралов и небесно-голубые одёжки светлых посадить пятно не в пример легче...

С ума сойти, Лисандра. Твоя жизнь покатила в Пекло, а ты думаешь о расцветке тряпок и глазеешь на свои ноги.

Закинув на плечо собранную с вечера сумку, вышла из комнаты и сразу увидела Миру – почему-то так и думала, что она предпочтёт брючный комплект. Есть в ней что-то мальчишеское, и я вовсе не о короткой стрижке. Дело вообще не во внешности: хоть тёмная кожа и чёрные до синевы волосы выглядят непривычно, Мира очень хорошенькая. Более стройная и жилистая, чем я, но тоже крошечная – росту во мне всего пять футов два дюйма, и в ней, очевидно, тоже. Может, этим я ей и глянулась? Ха.

– Почему ты решила подружиться именно со мной? – задала я мучающий вопрос. – Не то чтобы я против, да только... я тут явно не ко двору.

– Я тоже, – демонстративно скривившись, заметила она. – Эти змеюки все друг друга знают, а я... Мало того, что черномазая, так ещё и безродная. Мои родные давно сгинули за Рассветным морем, а у приёмной семьи – ни магии, ни титулов, ни богатства... Хотя последнее не столь важно. Нищевродов и среди аристократии хватает.

Я нахмурилась. Неприязнь ко мне, дочери светлого рода, понять нетрудно, но чем провинилась Мира?

– Мы тут вроде собрались, чтобы магии учиться, а не колена чистой крови считать, – пробормотала я. – Чем они сами, интересно, лучше коварных светлых угнетателей?

Мира белозубо улыбнулась и, взяв меня под руку, повела в сторону лестницы.

– Видишь? Недаром ты мне сразу понравилась. Вот только не «они», а «мы». Привыкай, подруга, деваться всё равно некуда.

Мы. Ну да. То-то эти самые «мы» всю дорогу косились на нас с Мирой – кто подозрительно, а кто и с презрением. Разговоров не заводили, ни с нами, ни о нас, и я бы предпочла, чтобы так продолжалось и впредь. Уж лучше бойкот, чем оскорбления. Я не уверена, что смогу ответить достойно, а вежливостью эту публику точно не пронять.

Увы, с бойкотом я поторопилась – по крайней мере один из моих новоявленных собратьев-чернокнижников молчать в моём присутствии не собирался.

– Красотуля! – радостно заорал Ричард Фарли, всего мгновение назад скучающе подпиравший стену в конце длинного холла. – В юбочке! И колени голые! Какая прелесть!

Здоровенная лапища рухнула мне на плечи, отчего я едва не присела прямо на пол. Мира изумлённо вытаращила на нас обоих, не зная, то ли отбивать меня у разохотившегося чернокнижника, то ли выяснять, что, собственно, происходит.

Мне это интересно ничуть не меньше.

– Прошу прощения, – кашлянула я, ухватившись за чужое предплечье. Руку Ричард послушно убрал, но оставлять нас в покое явно не торопился. – Мистер Фарли, что происходит?

– А что происходит? Стою, смотрю, девочки красивые, – он подмигнул подозрительно хмурающейся Мире, – дай, думаю, провожу. И какой я тебе мистер, красотуля? Просто Дик!

– Дик, спасибо за помощь, но провожать нас не нужно. Я запомнила дорогу, да и день на дворе, вдвоём с Мирой мы вряд ли заблудимся...

– О, ты, значит, Мира? Приятно, приятно, – Фарли шутливо раскланялся и тут же ловко ухватил нас обеих под руки. – Короче так. Дорогу ты откуда запомнила? Из внутреннего двора. Я не верю, если что. Но мы-то куда идём? Правильно – пожрать, а это ж совсем в другом месте! Так, а где ещё один?

– Кто?..

– Экспонат, – хохотнул он. – О, нашёл. Моргран, дуй сюда!

Высокий светловолосый первокурсник подошёл к нам, во все глаза глядя то на меня, то на Миру. Затем он опомнился, смущённо зарумянился и кротко потупил взор.

– Доброе утро, дамы... мистер Фарли...

– Тьфу, и этот туда же. Ну-ка, Стеф, хорош девицу на выданье изображать! Нормальные девчонки, не сожрут, не бойся. Светленькая – Лили, тёмненькая – Мира. Не перепутай!

– Да ни в жизнь, – пробормотал он, снова уставившись на нас обеих. Вроде и неприлично так пялиться на людей, но взгляд парня был странным образом приятен – искреннее восхищение без капли пошлости. – Стефан Моргран, рад встрече.

– Очень приятно, – вежливо улыбнулась я. Мира ограничилась кивком, глядя на нового знакомца не то подозрительно, не то задумчиво.

– Ну ещё б ты был не рад, в такой-то цветничок загреметь, – довольно усмехнулся Ричард. – Ладно, детишки, познакомились – теперь можно и в столовку. Идёмте, а то опоздаем, и тогда Тай меня самого вместо завтрака приспособит. Он с похмелюги ещё вреднее обычного!

Монструозные размеры обеденного зала уже особо не удивили – хотя по-свойски назвать его «столовкой» язык всё равно не поворачивается. Огромные, от пола до потолка, витражные окна поражали воображение – даже в Закатном дворце я не видела ничего подобного! Сегодняшнее утро выдалось пасмурным, но в погожие дни, когда солнце светит сквозь яркий kaleйдоскоп витражей, здесь должно быть ещё красивее.

Длинные столы были расставлены вдоль зала дюжиной рядков и укрыты белоснежными скатертями, наверняка заклетыми от загрязнений – стирать всё это точно замучаешься. Ближе всех ко входу расселись светлые, середина зала пестрела серо-синим, а обладатели самых тёмных одежд притулились в конце и держались подчеркнуто особняком.

– Зацените-ка, – заговорщицки начал Дик, заметив наши взгляды в сторону светлых. – Эти голубые индюки думают, что заняли лучшие места, но ближе всех к еде сидим именно мы! Много они в жизни понимают, а?

Мимо «светлых» столов хотелось пронестись бегом, однако я шла неспешно, стараясь смотреть перед собой. Шепотки и неприязненные взгляды старательно игнорировала. Заметила невдалеке Роберта – тот сидел неподвижно, бледный и мрачный, и пялился в свою тарелку с таким видом, словно она его смертельно оскорбила. Неужто ещё не подыскивает новую невесту? Внутри болезненно кольнуло, и я спешно отвела глаза. К чему душу травить?

На линии раздачи, почти такой же, как была у нас в школе, обнаружился традиционный полный завтрак – омлет с грибами, бекон, помидоры и жареные колбаски, а также, к моей величайшей радости, вафли с сиропом. И ароматный чёрный чай в пузатой кружке на добрую пинту – не чета нелепым фарфоровым наперсточкам, что являются непременным атрибутом всякого пристойного чаепития.

Сытный завтрак пришёлся очень кстати: я не из тех девиц, что теряют аппетит от любого расстройства. Наоборот, на нервной почве готова сожрать целого грифона. Ну да, и сейчас тоже.

Дик усадил нас за один из пустующих столов в дальнем углу, велел не бродить поодиночке, не лезть к светлякам и сразу сказать, если те сами полезут. А затем ушёл к однокурсникам, среди которых был и стержовный красавчик Тибериус Сангстер. Это он, что ли, Тай-с-похмелюги? А так с виду и не скажешь.

– Слава Царице, от няньки избавились, – проворчала Мира, свирепо воткнув вилку в кусок бекона. – Я уж думала, он и в туалет с нами ходить будет.

– Зачем ты так? Ричард хороший, помог нам...

– Только потому, что вон тот красноголовый ему велел.

– Вовсе нет, – вмешался Стеф. – Ну, то есть да, но... у тёмных так принято, понимаешь? Держаться друг за друга.

– Это я поняла, – отозвалась Мира. – Но мы, если не заметил, в их тесный дружеский кружок не включены. Ты, кстати, чем провинился?

Стеф пожал плечами и тоже принялся ковырять еду.

– Я полукровка. Мать светлая, отец тёмный.

Мира изумлённо дёрнула бровью.

– А так можно было?

– Нет, – ответила я вместо Стефана. – Этот союз наверняка был заключён против воли обеих семей.

– Точно, – кивнул он, не особо задетый моим предположением. – Отца исключили из главной линии наследования, а от матери вовсе отреклись. Неприятно, но на конец света не тянет. Что это вообще за родня, которая чуть что от тебя отказывается? Им же и хуже. Человек и без громкого имени может многого достичь, если он упорно трудится.

Я поняла, что эти слова были сказаны неспроста, и преисполнилась симпатией к просто-вато-искреннему парню. Он постарался меня немного ободрить, но при этом оказался достаточно тактичен, чтобы не лезть в душу. Вот тебе и страшный чёрный маг.

Теперь-то я понимаю, что и среди тёмных люди водятся абсолютно разные. Сироты, полукровки, нищие... причём даже среди так называемых лордов. На факультете чернокнижников богачей вообще как-то не водилось: у кого туфли стоптанные, у кого форма видывала лучшие времена. А кто-то настолько устал чинить магией сумку для книг, что принялся зашивать на обычный манер, руками и иголкой с ниткой. Неумело, косо, но деваться, видимо, некуда. Пожалуй, из всех чернокнижников похвастаться новенькими вещами могла только десятая часть. В том числе я и Сангстер. Ну и Лэндон Гилберт, конечно же – семейка потомственных маelfиков издревле считалась богатейшими магами королевства. Их даже ни одна война между тёмными и светлыми (коих в прежние времена было множество) не разорила. Гилбертам из-за этого приписывали всякое – от договоров с самой Царицей Ночи, до продажи душ демонам из Пекла... и тварям из Чащи... и много кому ещё. Отец же, хоть и терпеть не мог всех Гилбертов разом и отца Лэндона в частности, на эти сплетни только глаза закатывал. Мол, никому никакие души продавать не нужно, если знаешь, кого вовремя подкупить, и имеешь при себе смекалистого счетовода.

Вспомнив об отце, я загрустила, но Мира тут же толкнула меня в бок и выразительно глянула в сторону соседних столов.

– Не распускай сопли. Не при них.

Стеф кивнул, соглашаясь с ней. Я невольно улыбнулась – всего-то позавтракали вместе, а они уже спелись.

– Пойдёмте уже отсюда, – проговорил он, махом допив свой чай. Первым же взял поднос и направился к окошку, куда полагалось ставить грязную посуду – там она исчезала, будто в невидимом портале, чтобы чистая также из ниоткуда появилась перед линией раздачи.

– Что у нас сегодня? – поинтересовалась я, мысленно кляня себя полной дурой – разнюнилась, даже про расписание забыла узнать. А ведь в школе была отличницей!

– Теория магии, Сангстер утром сказал. А потом пойдём в хранилище артефактов, первые камни получать.

Идя мимо чародейских столов, мы снова очутились под шквалом недобрых взглядов. Как ещё не надоело? Мира демонстративно игнорировала сам факт их существования, Стефу, кажется, вообще нет до них дела. Я же всем видом показывала, что подобная неприкрытая враждебность меня ни капли не трогает.

Никто не должен знать, что у тебя на душе. Иначе этим непременно воспользуются.

В поточной аудитории, просторной и очень светлой, с высокими стрельчатыми окнами во всю западную стену, мы появились в числе первых. Единогласным решением устроились на первом ряду, надеясь, что к нам не подсядут.

К моему удивлению, общую теорию магии у первого курса вела Кейт Гримвард. Если верить словам Стефа – магистр ментальных наук, чернокнижница невероятного ума и немалых способностей. Бекки окрестила её редкостной сукой, Стеф же считал строгой, но справедливой. По крайней мере, всех провинившихся студентов она наказывала одинаково, независимо от цвета магии. Тёмные и нейтралы её за это уважали, светлые же, вечно считая себя лучше прочих, недолюбливали. Мол, негоже какой-то тёмной ведьме наказывать приличных чародеев.

Магистр Гримвард вошла в аудиторию, едва стихло эхо противно дребезжащего звонка. Каблуки очередных кошмарных туфель звонко стучали по каменному полу. Одетая она снова в костюм, на сей раз глубокого изумрудного цвета, и этот наряд до того ей к лицу, что я мигом поняла Дика с его несбыточными мечтами о женитьбе. Хочу быть такой же, когда вырасту!

– Доброго дня, господа студенты, – поприветствовала нас магистр. Голос её звучал приятно и даже чуть приветливо. – Если кто запомнил, моё имя – Кейт Гримвард. Мой предмет называется «общая теория магии», он является основным для всех специальностей, так что лицезреть ваши полные энтузиазма лица я буду трижды в неделю. – Заслышав мученические стоны с задних рядов, она позволила себе небольшую усмешку. – Поверьте, я тоже в восторге. Цель данного курса – изучение различных видов, аспектов и базовых законов магии, а также освоение ряда заклинаний изначального, то есть общедоступного типа. Сегодняшнее занятие будет вводным; конечная его цель – определить вашу специализацию. Для этого нам стоит начать с основ.

Магистр Гримвард неспешно прошла за кафедру, пристально оглядела всех нас и чуть заметно кивнула, точно придя к каким-то выводам.

– Полагаю, раз уж вы умудрились поступить в самое престижное учебное заведение Астрэ, то знаете, что магия делится на три вида: светлая, нейтральная и тёмная. В школе многие из вас изучали магию изначальную. В чём отличие изначальной магии от нейтральной? Мистер Флинн?

– Ну... изначальная магия также является нейтральной, – ответил студент, чуть помявшись. – Только она общедоступная, тогда как высшая магия нейтральных классов доступна лишь специалистам.

– Верно. Магические классы – довольно непростая тема, которую мы обсудим позднее, а пока поговорим об их упрощённом виде – основных специальностях. Сколько их всего?

– Э-эм... Двенадцать?

– Вы спрашиваете или отвечаете? – едко уточнила Гримвард, но потом сжалась: – Верно. Благодарю, мистер Флинн. Каждый факультет имеет четыре основных направления, но по какому принципу магов делят на специальности? Мисс Лайтнинг?

– По принципу ключевой стихии, – ответила Бекки чуть раздражённо – у неё, похоже, всегда такой тон, с кем бы она ни говорила. – Вода, огонь, земля, воздух. Четыре специальности – четыре стихии.

– Пять, – пробормотала я чуть слышно.

– Мисс Сеймур, желаете дополнить ответ?

С трудом подавила страдальческий вздох – вот только нежного внимания бывших подружек мне не хватало!

– Пятая стихия – эфир, изначальная основа любой энергии, магической или витальной. Она не является ключевой, однако используется как основной стихийный элемент заклинаний высшей магии.

– Совершенно верно. Уровень владения эфиром определяет ваш магический потенциал: если пятая стихия вам не подчиняется, то и дорога в высшую магию закрыта. Мисс Сеймур, как определяется ключевая стихия мага?

– У посвящённого мага стихийный элемент легко считывается по ауре... при помощи чар Истинного зрения. С изначальным магом сложнее, но... – я немного помялась, однако решила продолжить, раз уж заикнулась: – Есть теория, что стихия мага формирует его личность, оказывая влияние на темперамент и склад характера.

– Бабы сказки, – фыркнула Бекки. Так и знала, что эта мерзавка не утерпит.

– Не сомневаюсь, мисс Лайтнинг, что вы мните себя умнее почтенных магистров, исследующих данную предметную область, – желчно произнесла магистр Гримвард, – однако существует достаточно высокая корреляция между ключевой стихией и чертами характера. Мисс Сеймур, какой школьный предмет вам давался лучше всего?

– Энергофизика, – призналась я чуть смущённо. Сзади тут же послышались смешки и презрительное «зубрила» не то от Лорел, не то от вездесущей Бекки.

– Вы прилежная ученица, прогулкам предпочитаете книги и рукоделие; возможно, играете на музыкальном инструменте, и делаете это очень хорошо. Во всём любите порядок, всегда стоите на своём и на дух не выносите сюрпризов. Я угадала?

Меняхватило только на кивок. Вроде ничего обидного, но не покидает гадкое ощущение, что меня заставили прилюдно обнажиться. Неужели она и впрямь просто угадала, а не прочла все мои мысли? А что, она менталист, ей это раз плюнуть.

– Мисс Лайтнинг, всё перечисленное в немалой степени подходит и вам, верно?

– Хм, ну... пожалуй, – буркнула та с явным недовольством. Как же, заставили признать, что между нами есть что-то общее!

Не то чтобы это стало для меня новостью. Мы с Бекки и впрямь могли бы стать хорошими подругами, не веди она себя так враждебно и неприятно.

– Ключевая стихия обеих девушек – земля, это очевидно для всякого опытного мага, – констатировала магистр Гримвард. – Во многих отношениях они совершенно не похожи друг на друга – ибо сколько людей, столько и характеров, – однако закономерность прослеживается довольно явно. Благодарю за любопытную дискуссию, студенты. Теперь перейдём к непосредственно методикам определения ключевой стихии...

Как нам объяснила Гримвард, чары Истинного зрения даже среди магистров даются отнюдь не каждому, поэтому был создан упрощённый аналог – Квинтэссенция, изначальное заклинание для кратковременного проявления магической ауры. Все студенты довольно быстро заучили связку жестов и магических плетений, занесли в тетради цепочку Изначальных рун и принялись накладывать заклинание то на себя, то друг на друга. Аудитория заполнилась восторженно-изумленными вздохами, а магистр Гримвард с довольной усмешкой обходила ряд за рядом, изредка давая комментарии тем, кто в них нуждался.

Зрелище и впрямь занятное. Воздух вокруг нас сиял, точно звездное небо – голубое, ультрамариновое, сумрачно-синее. Пыхающие на фоне синевы искры, похожие на россыпь звёздочек, были разных цветов – красные, голубые, зелёные, серебристые. Оттенки тоже различались: у Миры, например, «звёздочки» отличались куда более насыщенной голубизной, нежели у девушки-нейтрала в соседнем ряду. Мы со Стефаном могли похвастаться богатой изумрудной россыпью, однако в его ауре встречались вкрапления серебра.

– Альмира Десмонд, верно? Предполагаю у вас явную склонность к эмпатии, но дальше будет видно. Добро пожаловать ко мне в группу. Так, а здесь у нас... Занятно, – хмыкнула магистр Гримвард, поравнявшись с нами. – Мать – целитель, отец – менталист, а вы, мистер Моргран, обещаете быть могущественным некромантом. У вас есть крошка ментального дара, но, увы, он пассивный. Полагаю, друзья и близкие считают вас человеком проникательным и чутким? Да, вот так оно и работает.

Она повернулась ко мне, недоверчиво сощурила свои дымчато-голубые глаза, небрежным взмахом руки обновила заклинание, что на меня наложила Мира. Результат был тем же

– изумрудные искорки весело мерцали, то выцветая до голубовато-серебристых, то снова возвращаясь к насыщенному зелёному.

– На Лисандру краски, что ли, не хватило? Вот ведь недоделанная, – язвительно протянула Бекки.

Да чтоб тебя в Пекло, заткнись ты уже наконец! Достала!

– А я же го...

– Не трудитесь заканчивать, мисс Лайтнинг, – бросила магистр Гримвард, даже не отведя от меня взгляда. – Проклятье спадёт часа через три, а пока тренируйте выдержку и изъясняйтесь другими способами. Поздравляю, мисс Сеймур, – добавила она уже тише. – Очевидно, малефик из вас выйдет немногим хуже некроманта.

– Это что... это я?! – спросила почти шёпотом, затравленно оглянувшись на онемевшую и явно взбешённую Бекки. – Я же ничего... я не хотела!

– Вообще-то хотела, иначе бы не сработало, – пожала плечами Гримвард. – Но сделаем вид, что это я постаралась. Видит Царица, мне бы и следовало: у девчонки язык без костей.

– Я...

– Твоя стихия – земля, Лисандра, – отчеканила она. – А блики в твоей ауре... ну, пусть будет водный элемент и кровь Мартинов. Извини, другого объяснения нет. У меня – нет.

Не дожидаясь ответа – а вернее, нового вопроса! – магистр Гримвард пошла дальше, к другому концу ряда, где сидела группка нейтралов. Я же так и сидела на месте, силясь понять, что именно так смутило магистра и...

– Что она тебе сказала? – полюбопытствовала Мира. – Я толком не расслышала. Заглушки старшекурсников могу снести и даже не заметить, а вот магистерские мне не по зубам.

Так была заглушка? Ещё веселее. Хотя, может, Гримвард просто не захотела афишировать мою выходку с невесть как сотворённым проклятьем немоты.

– Хм... что-то про Мартинов и водный элемент в моей ауре...

От дальнейших расспросов меня избавила магистр Гримвард, велевшая группе ТМ-1, то есть менталистам, следовать за ней, а всем остальным – ожидать своих наставников. Пообещав найти нас позже, Мира отправилась в хранилище артефактов вместе с одноклассниками. Жаль, что мы будем в разных группах... но зато у меня остался Стеф!

– Знаешь, а ведь моя бабушка по матери – тоже Мартин, – с улыбкой заметил он, подсев ко мне поближе. – Это вроде делает нас родственниками.

Я тоже улыбнулась – мысль была немного грустной, но приятной. Стефан мне нравится, и чем дальше, тем больше. Светловолосый и голубоглазый, он с лёгкостью сошёл бы за моего брата...

– Ну, я не прочь обзавестись кузенком, если это, конечно, не Гилберт.

– Упаси Царица от такого родича!

– Ну мало ли, он ведь тоже блондин...

Мы дружно посмеялись, представив физиономию Лэндона, услышь он столь крамольные заявления, и задумались каждый о своём. Я вот гадала, выйдет ли из меня некромант... Сама мысль об этом кажется дикой. С другой стороны, что я вообще знаю о некромантии? Да ровным счётом ничего. Слышала, конечно, всякие бредни о кровожадных зомби и злых духах, но полагаю, рассказы светлых магов о тёмных стоит делить как минимум надвое. Лучше уж дожидаться наставника и послушать, что он нам скажет.

– Нашла себе компанию по душе, да, Лисандра? – протянула Лорел, поравнявшись с нашим рядом. Бекки, лишённая возможности ляпнуть какую-нибудь гадость, сверлила меня полным ненависти взглядом, а Элиза уставилась себе под ноги. – Черномазая нищенка и сме-сок. Ниже падать некуда.

Изнутри снова поднялась злость, но на сей раз я смогла уловить всплеск собственной дурной силы и придержать её, точно рвущуюся с поводка гончую. Как ни приятно было бы заткнуть рот ещё одной задавке, а я понимала: безнаказанно проклинать студентов направо-налево мне не позволят.

– Ну почему же некуда? – произнесла нарочито нежным тоном. – Клянусь Царицей, даже самая жуткая нечисть из глубин Чаши будет лучшей компанией, чем вы – сборище узколобых приторных сучонок, лицемерных до мозга костей.

Матушка наверняка пришла бы в ужас от моего поведения. Однако наблюдая за тем, как рыжеволосая красотка Лорел багровеет от злости и судорожно хватается ртом воздух, я была довольна собой просто донельзя. Не позволю этим заносчивым стервам оскорблять себя, а уж тем более – тех немногих ребят, что отнеслись ко мне с добротой.

– А ты неплохо притворялась, – бросила Элиза, по-прежнему избегая смотреть мне в глаза. – Бекки абсолютно права – ты не та, за кого себя выдавала. С тобой всегда что-то было не так.

– Точно, – отмерев, охотно поддакнула Лорел. – Но теперь всем ясно, кто ты есть!

Гордо задрав носы, мои бывшие подруги удалились к подоспевшим наставникам. Я же бездумно уставилась перед собой, размышляя насчёт их слов.

Да, может, я и впрямь отличалась. Учёба всегда была гораздо интереснее мальчиков, выбор между новой книгой и новым платьем тоже казался очевидным, и я никогда не скрывала своей отнюдь не женской тяги к серьёзному чтению и сложным наукам... Не скрывала, но и не кичилась этим. Не воображала себя лучше других, не пыталась напоказ отстраниться от всего девчачьего. Как и многим девушкам, мне нравятся красивые наряды, украшения, сладости и милые безделушки. А ещё я обучена ведению хозяйства, люблю танцевать, играю на спинете и прекрасно вышиваю – всё как подобает настоящей леди.

Почему непременно надо делить всё на «мужское» и «женское»? Почему, например, нельзя любить и танцы, и энергофизику? Никогда этого не понимала. Дурацкие стереотипы.

– Малефики, некроманты! ТП-1, ТН-1! – раздался приятный голос, усиленный магией. – Прошу за мной!

Явившийся по наши души преподаватель оказался приятным молодым мужчиной. Русоволосый и чуть смуглый, с добрыми карими глазами и милейшими ямочками на щеках, он ничуть не напоминал магистра тёмных искусств. Да что там – легко сошёл бы за старшекурсника!

– О, это все ко мне? Замечательно! Идёмте в аудиторию номер шесть, там и познакомимся.

Мы вышли в холл и послушно побрели вслед за магистром, энергично шагающим в сторону лестниц. Стеф вежливо предложил мне руку, и я в очередной раз порадовалась, что мне не придётся познавать некромантские премудрости в одиночку.

– И впрямь жалкое зрелище, – протянул Гилберт, поравнявшись с нами. На его форменной нашивке рядом с именем предсказуемо красовалась надпись ТП-1. – Да не вы, придурки! Мэддокс. Отец говорит, маг он выдающийся, препод неплохой, но как декан факультета – пустое место. Повезло ж с наставничком!

– Он, может, от тебя и твоего отца тоже не в восторге.

Лэндон, как ни странно, на мою шпильку ответил довольной ухмылкой.

– Несомненно!

Аудитория номер шесть находилась в полуподвале, и окна здесь были крошечные, под самым потолком. Однако повсюду горели магические лампы, и в целом создавалась до странного уютная атмосфера. Мы со Стефаном снова устроились на первом ряду, но на сей раз рядом с нами уселся Лэндон. Я невольно напряглась – не скажу, что злоязыкий поганец меня

так уж пугает, но его пристальное внимание не сулит ничего хорошего. Звёздами клянусь, ему что-то от меня нужно!

– Итак, будем знакомы – Лестер Мэддокс, декан факультета чернокнижников, магистр тёмных искусств. Вы можете обращаться ко мне «лорд Лестер» или же «магистр Мэддокс», как вам больше нравится, – он улыбнулся, снова демонстрируя нам ямочки, и развёл руки в стороны, точно мечтал обнять нас всех и сразу. (Лэндон немедля скроил такую физиономию, будто его сейчас стошнит.) – Я надеюсь, мы с вами поладим, потому как в обществе друг друга нам предстоит провести немало времени. Полагаю, у вас есть вопросы? Мистер Гилберт?

– Я правильно понял, – начал Лэндон чуть надменно, – вы будете куратором и у малефиков, и у некромантов? А так можно вообще?

И почему мне кажется, что ответ ему без того известен?

– Можно? Нужно, молодой человек, – заверил магистр самым благостным тоном. – Я бы сказал, что малефицизм и некромантия – две стороны одной медали, два аспекта Тьмы. Малефик разрушает, некромант созидает, но оба воздействуют на материю. Кто может сказать, в чём принципиальное отличие в их воздействии?

– Малефик использует внешнюю энергию, некромант воздействует напрямую на объект, – послышался ответ с задних рядов.

– Верно, мисс Ривар! Вот вам пример: малефик, ослепляя человека, использует проклятье – то есть магию, некромант же может ослепить на физическом уровне... Да, мисс Сеймур?

– Извините, магистр, – начала я чуть смущённо, – мне просто интересно... если некромант может ослепить человека физически, то у целителя тоже выйдет?

– Замечательный вопрос! – восхитился магистр Мэддокс. – Ответ – нет, мисс. Целитель – это малефик наоборот: оба используют различные виды энергии для опосредованного взаимодействия с объектом. Кстати говоря, очень редкий целитель сможет отменить проклятие некроманта – как думаете, почему?

Ответ, как ни странно, пришёл на ум сразу же:

– Несовпадение ключевой стихии?

– Разумеется!

– У меня тоже вопрос, сэр, – робко подал голос Стеф. – Выходит, вы и некромант, и малефик?

– Выходит, что так, – ответил магистр, чему-то забавляясь. Интересно, он всё время такой?.. Весёлый, хм. – Правильнее, конечно, сказать, что я некромант с немалым талантом к малефицизму. Такое порой случается при смешении фракций. Мой род насчитывает всего шесть колен чистой крови и не следует старому пути, однако издревле принято заключать союзы в пределах своей фракции, чтобы сохранить узкопрофильный родовой дар. Но в наши дни эта традиция изживает себя. Неизбежный переход к более выгодной универсальности. Даже отец мистера Гилберта – потомственный малефик – взял в жёны некромантку из дома Найтстар. С вас, Лэндон, некроманта не выйдет, но определённые задатки в этой области у вас есть. Будем развивать!

– Безмерно рад слышать, – проворчал Лэндон, скроив кислую мину. – Сэр.

Магистр Мэддокс достал из кармана часы, мимоходом глянул на циферблат.

– Ну что ж, у нас есть ещё минут сорок, прежде чем толпа ваших однокурсников в хранилище немного поредеет. Как насчёт парочки свежих заклинаний? – Студенты загомонили, явно одобряя. – Так и знал! Хорошо, используем объекты стихий для наиболее лёгкого усвоения...

Он взмахнул руками, и вскоре перед каждым из нас плавно опустились два предмета – сосуд с водой и щербатый камешек, похожий на кусок гранита. На доске же вспыхнуло две цепочки рун.

– Проклятье Спящей Принцессы, наверное, каждому из вас знакомо по детским сказкам. Суть проста: нужно проклясть воду, чтобы та обернулась эдаким сонным зельем.

– А испытывать на ком будем? – влез какой-то остряк. Надо же, не вездесущий Гилберт. – Я вот щас не прочь лет сто проспять!

Магистр засмеялся и погрозил остряку пальцем, будто непослушному ребёнку.

– Мы же маги, мистер Ламберт! Изменение фона отследить нетрудно. Кроме того, уж простите, чар первокурсников на сто лет зачарованного сна явно не хватит – максимум на сутки.

– Я б побился об заклад, – пробурчал Лэндон себе под нос, шустро шевеля пальцами. Кажется, это проклятье он уже знает. – А с каменюкой что делать? Не в золото превращать, надеюсь?

– Трансмутация – не раньше третьего курса, молодой человек! – невозмутимости и доброжелательности Мэддокса можно лишь позавидовать. Я бы давно прокляла белёсого хама. – Заклинание «Дисторсия» позволяет вам изменить форму объекта, не меняя его сути. Не пугайтесь, это гораздо проще, чем кажется! Пусть каждый из вас заучит и попробует применить оба заклинания – так мы выясним, есть ли у вас склонность к дисциплине, смежной с вашим основным направлением. Приступаем!

Заучить заклинания было нетрудно – по структуре они и впрямь простенькие, но дальше дела у всех пошли с переменным успехом. Стеф, например, едва-едва справился с водой, зато из камня попытки с третьей вылепил весьма милую птичку. По другую сторону от меня тихонько ругался неприличными словами Лэндон: с водой он предсказуемо оказался на «ты», а вот камешек никак не желал подчиниться наследнику двух темнейших родов – и он, похоже, это воспринял как оскорбление.

Самое странное, что у меня результат был точно такой же. Проклятье вышло с первого раза, а вот Дисторсия... Если земля и впрямь моя ключевая стихия, то моему несчастному булыжнику об этом почему-то неизвестно.

– Да что не так-то? – вспыхнула я, уже готовая воспроизвести все подслушанные у Гилберта словечки. – Хотя о чём я? Всё не так...

– В смысле? – любопытствовал он, отвлекшись от своей каменюки.

– Я просто не понимаю, что и как делать. Нет визуального ряда. Ну как камень может быть мягким?!

– Это магия, Сеймур! За наукой – к нейтралам.

– Да я бы и рада! Там-то всё кристально ясно: связи между частицами вещества ослабевают, и вещество меняет своё состояние на... хм... а ведь точно!

– Сферы небесные, Лисандра, ты же не...

Я не слушала – споро принялась плести заклинание, вдохновившись внезапным озарением и найдя в происходящем хоть какую-то логику. Теперь-то всё ясно! Должно сработать, просто обязано!

Не сработало.

Камень не изменил форму. Он исчез в водовороте ревущего изумрудного пламени.

Глава 3

Пятый курс с самых первых дней – грёбаная головная боль. Гора домашних заданий, одно другого страшнее, и статус старосты факультета, который вроде как обязывает. Нет, Тай не против. И даже учится хорошо, как положено наследнику рода и со всех сторон приличному парню. Даже если он немного (ладно, до мозга костей) некромант.

Учиться ему в самом деле нравилось. Природный дар, усиленный многими поколениями чистой крови, хорошая школа за плечами... И многолетняя зубрёжка, куда без неё? Это только наглый белобрысый сучонок Гилберт мог позволить себе маникюр в лучших столичных салонах и праздное безделье. Таю же на пару с Фарли и прочими ребятами из приличных, но небогатых тёмных семей приходилось осваивать тонкости родовой магии ещё до поступления в Академию Сумерек. Благо родители учили своих детей едва не с пеленок. Это только наивные светлые выкормыши могут удивиться распределению и внезапно открывшейся специализации. У тёмных же на такую роскошь, как праздность и счастливое детство, нет ни денег, ни времени.

В последние годы дела шли получше, спасибо вменяемой – наконец-то! – королеве, расширенному списку разрешённых занятий и политике всеобщего равенства, пусть не слишком активно проводимой, но все же имеющей место. С одной стороны, смех да и только: никогда в жизни светлые и тёмные не будут считать себя равными. Однако и польза есть. Многие вчерашние «убийцы, маньяки и психопаты», как любили костерить чернокнижников бело ручки-чародеи, пооткрывали лавки и даже небольшие предприятия в городах. Вылезали из небытия Ковены, промышленяющие убийством всякой пакости. Даже некроманты, жуть жуткая, приспособлены к делам королевства на вполне законных основаниях. Уж больно хорошо умерщвляют тех, кто умирать не хочет, а должен бы. В борьбе с тварями из Чащи один толковый некрот мог дать прикурить штурмовой четвёрке светлых магов в полном боевом облачении, и проигнорировать это ой как трудно.

Статус старосты тоже давал замечательные преимущества. Большая комната на первом этаже с собственной ванной, полный доступ к зельварням, алхимическим комнатам, хранилищу артефактов без многочасового вынимания мозга через нос, чем славен весь факультет практиков. Раз старосте надо, значит надо, какие уж тут споры? Нейтралы за своим выводком тоже присматривали и прекрасно осознавали всю хлопотность этой работенки. Видит Царица, проще в одно рыло упокоить кладбище мертвяков, чем удержать в узде вчерашних маминых деток.

Особенно если среди них водится белобрысая головная боль по имени Лэндон Гилберт. Точнее, головных болей имеется целых две (и обе белобрысые, что ты будешь делать!). Но прямо сейчас защитный купол, которым Тай обнёс своё кресло, чтобы оградиться от шума и незваных гостей, снёс именно папин сын Гилберт. И глазом не моргнул, скотина белёсая.

– Сидишь? Уроки учишь? – манерно протянул Лэндон, отчего без всяких вопросов захотелось проклясть его на месте. – Зря.

– Жить устал? – не остался в долгу Тай. – Могу поправить.

– Без тебя найдутся поправляльщики, – возразил он и нагло уселся прямиком на небольшой стол.

Тай красноречиво дёрнул бровью – ещё миллиметр, и зад наглого первака оказался бы на его домашней работе. После чего тело наследника гадючьего семейства искали бы годами. Не нашли бы, или он не Тибериус Сангстер.

– Время не тяни, не в своём замке кур считаешь.

– Лгун и клеветник! У нас нет кур!

– Сбежали, бедные? Понимаю, – сочувственно протянул Тай. – Я вот как тебя вижу, тоже сбежать хочу. Не от страха, просто говорят, в магических тюрьмах кормят плохо.

Лэндон фыркнул и малость нервно притопнул ногой, а Тая вдруг озарило – да белобрысого пройдоху же распирает! И лорд из него примерно такой же, как из Дика – то есть никакой, а в метриках просто слово лишнее вписали. Выходит, не зря болтают, что Найтстары кому угодно поправят как морду, так и характер. Вот Лэндон, например, от матери получил блондинистую масть, непристойно смазливую физиономию и прорву неуёмной энергии, которую ему явно некуда потратить. От папеньки он унаследовал другое: поганый язык и тягу к выпендрежу. В общем, очередной Гилберт вышел паскуднее своих предков раза в два и ничуть этого не стеснялся. Счастье, что его братец и сёстры поступят в Академию лишь после того, как Тай отсюда выпустится.

– Потом меня грохнешь, – отмахнулся Лэндон. – Кто такая Лисандра Сеймур?

Тай нахмурился. Лисандра Сеймур вовсе не Сеймур – это понятно всякому, чей род насчитывает хотя бы семь колен чистой крови.

Как Мартины были известны своим талантом к целительству, так и за Сеймурами прочно закрепилась слава грубоватых вояк: все поголовно, включая девиц, оказывались в стражах. Или, на худой конец, в клериках. Так или иначе, от брака двух чародеев может родиться только чародейка. Вероятность рождения тёмного ребёнка в таком браке существует, но она смехотворно мала.

А вот если один из родителей тёмный, тогда да, тогда пожалуйста – в смешанных браках шансы, что ребёнок будет светлым, весьма невелики. Бедняга Стефан Моргран тому яркий пример.

В общем, по всему выходило, что леди Лисандру подкинули на порог, подменили при родах... Ну или её мать, в высшем свете имеющая славу миленькой дурочки, ловко нагуляла дочурку на стороне и столь же ловко навешала мужу лапши на уши. Такое случалось – браки между тёмными и светлыми всё равно что под запретом, как раз таки из-за невозможности родить светлое дитя. Любовь, правда, запретить невозможно, но кто бы из поборников чистой крови об этом думал?..

– Девушка. Красивая, – констатировал Тай. – Понравилась? Закатай губу, у леди Лисандры женишок был из Лайтнингов...

– Был – хорошее слово. Дурак дураком. А для его сестрицы к концу обучения я точно сооружу могилку поукромнее.

– Дурак дураком, – покладисто согласился Тай – клятый Роберт Лайтнинг учился на его курсе, – а ещё горлопан и потаскун. Зато порядочный светлый маг при деньгах и без славы заправского ухаля, как у твоего папеньки.

– Вряд ли порядочному магу нужна девица, которой под силу поджечь камень, – гордый собой, сообщил Лэндон. Ну прямо-таки ждал подходящего момента, а не бил копытом об пол с той минуты, как пришёл...

Найтстары точно испортили кровь Гилбертам. О чём Тай непременно подумал бы ещё, не потеряйся у него дар речи.

– Что, прости?

– Камень. Сгорел. Вместе с партой, – охотно выдал Гилберт. – Девица наша стоит, глазками хлопает. Этот олень Мэддокс чуть в обморок не отъехал, потом давай руками махать – а не отменяется та хрень ни в какую! Слава звёздам, я додумался воду зачаровать на нейтрализацию, и поджигательницу нашу кое-как в чувство привёл. Может, меня вместо оленя в кураторы возьмут? Я всяко получше буду!

– Камень. Сгорел, – повторил за ним Тай, испытывая непреодолимое желание побиться головой о стол. Не по-лордски, да, но настоящим лордом он (к счастью) станет лет через пятьдесят как минимум, так что пока можно позабыть о воспитании и манерах. – В Чашу оленя. Что он ей велел наколдовать?

– То же, что и всем. Заклясть на сон воду и изменить форму объекта. Ну, изменили, – Гилберт нервно хмыкнул – видимо, воспоминания о горящем камне ещё свежи. – Стихия Сеймур – земля, если верить Гримвард. Да что там, сам поди такой же ерундой в перваках страдал.

Тай покачал головой. Нет, он такой ерундой не страдал. Никто в здравом уме не заставит первокурсников, среди которых водятся маги самого разного уровня одарённости, проклинать воду или зачаровывать камни. Только на специальных полигонах с кучей щитов и парочкой ликвидаторов в ассистентах. Иначе чревато.

Один такой талантливый умник пару десятков лет назад едва не сравнял всю Академию с землёй – тоже камешек зачаровывал. Зачаровал, не отнять. А вместе с ним и все камни, из которых была сложена Академия. Пострадавших, к счастью, не было, но крыло чернокнижников лишилось прогулочных галерей. И обзавелось тренировочным кругом с трибунами позади основных корпусов, где с тех пор студенты Академии устраивали дуэли.

Фамилия умника была, кстати, Найтстар.

А круг хороший вышел. Щиты держатся до сих пор, несмотря на все гулявшие по площадке заклятия. Ливингстоун несколько раз пытался покончить с кругом, трибунами и всем, что в нём происходило, приглашал строителей и ликвидаторов заклятий, но тот продолжал стоять и привечал внутри себя охочую до драк молодежь.

С тех пор перваки узнавали о своей специализации путём нехитрого кровного ритуала. Из закровов Академии достали Небесную чашу, положили рядом ритуальный нож и велели капать пару капель крови на россыпь сумеречных кристаллов, которые меняли свой цвет в зависимости от специализации. После Сангстера камни стали тёмно-зелёными – его путь лежал напрямиком в группу некромантов, чему никто, в общем-то, не удивился. Способ был не стопроцентным: тонкая настройка артефакта была невозможна, изредка среди некромантов оказывались малефики и наоборот. Но к началу второго курса все определялись с набором изучаемых дисциплин.

Небесную чашу снова припрятали года три назад, когда на место лорда Стэдвилла, преподававшего некромантию и к своим почтенным ста десяти годам вконец задолбавшегося возиться с бешеной студентотой, пришёл Мэддокс. С Ливингстоуном они, несмотря на разницу в цвете магии, подозрительно быстро спелись, пришли к выводу, что негоже в стенах учебного заведения заниматься кровной магией, и вернули, так сказать, опытный путь уточнения специализации.

Магистр Мэддокс не слишком нравился Таю, да и большинству его сокурсников тоже. Нет, он был неплохим преподавателем, доступно объяснял материал и в целом не зря получил должность при Академии Сумерек. Однако, в нём нет и половины той харизмы, коей обладал Стэдвилл. Студенты слушали его неохотно; Таю и прочим старостам приходилось чуть не наизнанку выворачиваться, чтобы заставить мудаков вроде Гилберта прилично вести себя на его занятиях и не портить репутацию факультета неуспеваемостью, ленью и спорами с преподавателем.

Что ж, очевидно, зря старались – если недотёпа Мэдди не смог погасить пожар, устроенный первокурсницей, цена ему как преподавателю тёмных деток невысока.

– Раз стихия Лисандры – земля, то с камнями у неё проблем точно быть не должно, – протянул Тай, задумавшись.

– Однако, как видишь, они есть. Гримвард ошиблась?

– Почётная выпускница Академии, леди-рыцарь королевского легиона, обладательница Ордена Небесного престола? Нет, Гримвард не ошиблась. Это Лисандра выкинула что-то эдакое. Давай всё в подробностях, Гилберт.

– Начнём с самого начала, – предложил тот, чинно сложив руки на коленках. – Вчера вечером эта светлая клуша, едва выпорхнув из Горнила в своём красивом платьице, залепила мне в лоб стихийным проклятьем. Угробила амулет маминой работы.

– Клуша? – издевательски переспросил Тай, поборов желание некультурно отвесить челюсть.

Уж было с чего обалдеть! Леди Лианна Найтстар Гилберт, как и почти все её предки, была некроманткой, но преуспела и в артефакторике. Некрос-артефактник – редкость, а уж изготовленные ими вещицы всякий сведущий маг ценит на вес золота...

И вот пожалуйста – мощный защитный амулет угробила первокурсница. Как это вообще понимать?

– Да, я понял, что поторопился с выводами. Решил к ней приглядеться.

– И как она?

– Тихоня, – ответил Лэндон, поморщившись. – Но из той паршивой породы тихонь, что ни фига не тихие, а прикидываются ради удобства. Вроде не дура, не зазнайка, вежливая до тошноты даже с оборванцами вроде Морграна и Десмонд. Начитанная, на теормагии усадила долбанутую сестричку Лайтнинга в здоровенную лужу. Весело было, Гримвард небось до сих пор злорадствует.

– Умница, значит? С характером? А с виду и не скажешь...

– Так и я о чём!

Дик, впрочем, это всё просёк после одного-единственного разговора с малахольной первокурсницей. Вроде не ментал, а малефик, но поди же ты – чуйка у него просто звериная. Лисандрой он был совершенно очарован, и Тай поначалу списал его восторженную болтовню на вполне банальные причины. Сеймур или нет, а девчонка очень красивая. Он сам нет-нет, да и заглядывался.

А теперь вот Лэндон Гилберт... сидит. Соловьём заливаётся. Да только не о хорошеньком личике.

– В общем, дальше долбанутая Бекки довыдывалась и тоже огребла по лбу. Поди до сих пор ходит мычит. Гримвард сделала вид, что это от неё подарочек, только я-то знал, куда смотреть. Царицей клянусь, Тай, у девки *дурной глаз*! Мой отец тоже так умеет, но он же магистр, потомственный малефик и... Где, скажи на милость, Сеймуры откопали это чудище?

– Поди разберись теперь, – буркнул Тай, сложив руки на груди. – А водичку-то заклала?

– Влёт. И фонило так, что я со своего места почувал, – поделился Лэндон чуть ли не восхищённо. – А вот с камушками мы на пару бились. Я-то понятно почему, но у неё аура зеленущая – некрос, чистый и мощный! Переливалась как-то странно, да кто их разберёт, этих полукровок? Может, так и надо. Короче, она возмутилась, что всё ей не то и камень мягким быть не может...

– Зато горит шикарно, – невесело усмехнулся Тай, хотя внутри похолодел. Загадка горящего камня вдруг перестала быть такой уж загадкой. – Некромантия, *дурной глаз* и... Уверен, что это не твоя сестричка? Девчонка подозрительно похожа на леди Лианну...

– Маму мою не тронь, красноголовый! Сам давно в зеркало гляделся? Зовёшься Сангстером, а на морду Блэквуд из Блэквудов!

– Уел, сопляк! Я в матушку удался, как и ты, – мрачно рассмеялся Тай. – А вот девица наша в кого? У вас общая кровь, это точно. День-два погоди, родовая магия вам, первачкам, окончательно физиономии выправит – и тогда вы с Лисандрой легко сойдёте за двойняшек.

– Сеймур – Найтстар? – Лэндон совершенно не по-аристократически вытарашил глаза. – Да ты гонишь!

И припечатать бы паршивца каким-нибудь проклятьем за подобный лексикончик, да ведь Тай только и смог, что криво усмехнуться.

Не гонит. Хотя и рад бы.

Найтстары – головная боль всего магического мира. Древний род, куда старше королевского, все сплошь сильные и талантливые маги, в чьих потомках водилось такое, что вспомнить страшно. До сих пор в ходу сказочка, что почти все малефики и некросы пошли именно

от них – сразу после того, как благообразное семейство тогда ещё светлых магов спуталось с феями, вампирами и прочей нечистью из Чащи. На кой ляд, никто сейчас и не вспомнит: уже далеко не благообразные предки отоврались как могли, а потом уничтожили все следы подобного nepотребства.

И, казалось бы, стоило перебить всех Найтстаров ещё на заре их существования, чтобы не портили кровь честным магам...

Да только один нюанс – женщин сильнее в королевстве попросту не бывало. Издревле невесты по фамилии Найтстар ценились пуще любых сокровищ. Если твой род вырождается, от проклятия ли, от дурного ли кровосмешения, – бери в жёны девицу из знаменитой семейки, не прогадаешь. Почти выродившиеся по собственной глупости Гилберты, чтобы заполучить единственную дочь Найтстаров, отвалили такой выкуп, что глаз задёргался бы даже у богатея Лайтнинга. Отвалили не зря – ушлый род обзавёлся аж четырьмя детишками, из которых только самый младший имел тёмную масть и грозил вырасти копией папаши. Остальные же, начиная с Лэндона, все получились светловолосые и смазливые, как фарфоровые куклы.

Чародеи от такой плодовитости – и нешуточной возможности получить совсем уж непобедимое тёмное чудище – приходили в ужас и старались перебить Найтстаров ещё до вхождения в силу. Получалось так себе – род возрождался буквально из трёх капель крови, а в родне у Найтстаров так или иначе ходило полкоролевства.

– Если бы. Пиши матери, пусть в родовые книги заглянет.

– А ты?

– А я напишу отцу и дяде. Они у лорда Александра в друзьях ходили. И вот что, – он нахмурился, выразительно чиркнул большим пальцем по горлу, – языком не трепли. Найтстаров за последние годы неплохо проредили – остались только леди Лианна да её грозная матушка. Не подставляй девчонку.

– Да понял уж, не дурак, – буркнул Лэндон, не то пришибленный новостями, не то обдумывающий в уме подлую многоходовку из тех, на какие горазд его проклятый папёнка. – Ты лучше до моей будущей двойняшки донеси, что надо сидеть тихо и не отсвечивать.

– Думаешь, выйдет?

– Вряд ли. Скандал обещает быть знатным.

Едва на пороге гостиной замаячила внушительная фигура Дика Фарли, белобрысый поганец тут же унёсся прочь – не к Дику, но к парочке перваков, которых сам же недавно приласкал оборванцами. Полукровка Моргран и чернявая Десмонд.

«Ну точно, многоходовка! Дружков будущей родни окучивает, – понял Тай с невольным восхищением. – Гилберт есть Гилберт, даже если выглядит как Найтстар».

– А где свою красоту потерял? – с усмешкой спросил он, едва непривычно понурый Дик оказался рядом. – Вроде на тебе три первачка было.

– Тай, не ломай комедию, а? – ворчливо попросил Дик, плюхнувшись в наспех призванное из соседнего угла кресло. – Наверняка этот ухарь белёсый уже весь расклад слил. Красотулю сдал в лазарет, сказали, до утра подержат под целебным пологом.

– Истощение?

– Да если б! Нервный срыв. Лили отлично держалась, но, похоже, клятая каменюка клятого долбака Мэдди её добила.

Он сокрушённо помотал вихрастой головой. И тут же, навесив пару заглушек для верности, сдавленным шёпотом заорал:

– Тай, это ж полный... полный... трындец! Девчонке ещё двадцати нет, какая, к херам, трансмутация?! И это без единого заклатья! Я-то думал, папашам с их сказочками об истинной некромантии Найтстаров просто бухать надо меньше...

Тай с Диком дружил уже не первый десяток лет, но до сих пор иногда изумлялся тому, как быстро мог соображать развесёлый и дурковатый верзила, если только задавался такой

целью. Суть «трындеца» он вычленил сам, без болтовни Гилберта над ухом, и куда быстрее самого Тая.

Вопрос в том, кто ещё догадался. Тай не тешил себя мыслью, будто они с Диком одни такие умные.

– Вот она, сказочка твоя. Живее всех живых. Страшно, Дики? – поддел он, стараясь сохранить хорошую мину при плохой игре.

– Страшно, – без улыбки отозвался Дик. – За девочку страшно, прибьют же ни за что. Замечательная ведь девочка. Добрая, умная, красивая...

– Втюрился, что ли?

– Да ну, скажешь тоже! Я парень простой, мне такая девушка не по зубам, – ухмыльнулся он. – Предпочитаю завидовать её будущему мужу с почтительного расстояния. Просто *огонь* же, а не девица! Даже камень раззадорила!

– Ха-ха, – кисло протянул Тай. – Впрочем, идея неплохая. Выдать её замуж, под защиту влиятельного рода...

– Эту кралю? – развеселился Дик невесть чему. – Попомни мои слова, Тай: замуж она себя выдаст сама. Да много ли наших по расчёту женится?

Немного, это точно. Помолвки договорные заключают, да, и на ком попало жениться глава рода не позволит, но...

Но. Если между женихом и невестой нет ни малейшей искорки симпатии – настаивать на таком союзе не станут. Недальновидно, глупо и даже опасно.

Два ненавидящих друг друга тёмных мага под одной крышей не уживутся. Никак. Дело вполне может кончиться трупом, а то и двумя. Любовный или хотя бы дружеский союз куда предпочтительнее, ведь любят тёмные точно так же, как ненавидят – пылко, яростно и бесконечно.

Тай это не понаслышке знал, между прочим! Да вот беда – его избранница отличалась ослиным упрямством и замуж идти ни в какую не желала.

«Ничего, не отшила же до сих пор, – деловито утешил он сам себя. – Ещё два года впереди, уломаешь как-нибудь. А теперь жопу в руки, женишок, и вперёд, строчить письма счастья».

Если уж твой дом находится подле Чащи, неженки с тебя не выйдет. Из некромантов их вообще получается маловато – а ну попробуй с малых лет пялиться на трупы, ходячую мертвечину и прочую жуть. Батистовые платочки и чистые сапоги будешь видеть только в своих мечтах.

А уж если твой дом находится всего-то в нескольких милях от заселённых нечистью болот и лесов, то и вовсе пиши пропало – титулы титулами, а запоминать, с какой стороны класть вилку, будешь долго. Особенно если твоя фамилия Блэквуд и твой род берёт начало примерно в те времена, когда нечисть гоняла нас, а не мы её.

Хорошие были времена. Достойные. Выживали только те, у кого имелись мозги, инстинкт самосохранения и неплохая соображалка.

У навязанных мне стажеров из последнего выпуска Академии Сумерек нет ни одного, ни другого, ни третьего.

– Мёртв, – постановил я, глянув на рухнувшего ничком стажера, которому прилетело атакующим заклинанием. – И даже съеден. Приятного аппетита, лорд Сангстер.

– Благодарю, лорд Блэквуд, – раскланялся передо мной Гидеон.

Он сунул камень, чёрный с красными прожилками, обратно под рубашку. Покосился на валяющегося на траве парня, который явно испытывал трудности с тем, чтобы встать. И сплюнул на траву. Обижено даже как-то вышло – будто это мы с ним выучили криворуких идиотов, а не полудурок Мэддокс.

– Что-то я не пойму, – протянул устроившийся на небольшом складном стульчике Антониус Гилберт. Левой рукой он лениво поглаживал своего фамильяра – огромного чёрного пса, в правой покачивал стакан с виски. – Ливингстоуну не даёт спать слава святого рыцаря Олмса? Надо написать ему, что он не настолько красив.

– А вот возьми и напиши, – посоветовал Гидеон. Плеснул виски себе и уселся прямо на траву. – Не уклониться от стриги, мать моя ведьма! Кого бородатый хмырь нанял в преподаватели? Ещё немного, и начну верить в заговоры в Академии, прямо как Тони.

– Давно пора, – хмуро сообщил я. – Третий год, милорды, меня выгоняют на полигоны, натаскивать мелкоту на полевую работу. Вам хорошо, один виски в замке распивает, – Гилберт возмущенно вскинулся, но промолчал – прямо диво какое-то, – второй рубит золото с идиотов, которым, видите ли, побольше земельки перед родовым гнездом оттяпать захотелось... А у меня уже третий год что ни выпуск, то безрукие коряги вместо некромантов.

– И поэтому ты решил припрятать нас, – издевательски отметил Гилберт. – Умно. А ещё говорят, я ушлый.

– А ты и ушлый, – не остался я в долгу. – Но я хуже.

Раза так в три. Официальное место при дворе даже из деревенщины запросто сделает подлого беспринципного ухаля, втайне мечтающего перебить половину астрийской аристократии. Я деревенщиной не являюсь, а если верить метрикам и древней дарственной на десять акров земли, так и вовсе целый лендлорд... Но за интригами – это к Тони Гилберту, я же предпочитаю работёнку хоть и более грязную, но напрочь избавляющую меня от общения с тупицами из высшего света. Вымерли лорды, как есть вымерли. Остались одни пройдохи, торгаши, да мы – осколки старой крови, мечтающие обустроить хозяйство покрепче, пока позволено. Пока власть не гонит всех чернокнижников подальше от городов и «порядочных людей».

Было бы кого гнать.

Найтстары всё равно что вымерли. Светлые своего добились – за несколько десятков лет от могущественного рода остались лишь Лианна да Ленора. Если Тони не позволит кому-то из детей наследовать матери, то можно считать, что семьи с такой фамилией больше нет.

От Сангстеров остались Гидеон, Тибериус и совсем мелкий Аврелиус. От Блэквудов – только я и отец. Ну и ещё Фиона, но та носит фамилию Сангстер уже почти тридцать лет как.

Вымерли, выродились, разорились.

Не отнять, времена сейчас получше, чем в правление его величества Бенедикта Кровавого. Десяток лет, и последствия кровавого террора светлых сойдут на нет – благо её величество молода, умна, здорова и охраняется лучшими магами королевства. Появятся дети, да не по одному на семью, как в нашем поколении, а по трое и больше. Возродятся дома. Кто-нибудь обязательно спутается с нечистью из Чащи, как это уже бывало, принесёт на людскую землю новую кровь и, возможно, новую магию...

Это если нас всех не сгубят идиоты вроде нынешних выпускников Академии.

– Как думаете, сколько дадут за убийство тихони Мэдди? – поинтересовался я у своих со... ладно, пусть будут соратники. Хотя в данный момент оба сиятельных лорда тянут скорее на собутыльников.

– Монет или лет? – заржал Гидеон, третий стакан отдавая мне.

– Нисколько, – скривился Тони, тоже глянув на пытающихся показать хоть что-то дельное стажеров. Получалось плохо – в теории они хороши, спору нет, а вот на практике... Ну, на практике, видимо, предполагалось заговаривать мертвякам зубы, а не загонять их под землю на десяток футов. – Я придумаю тебе алиби. Скажу, что похитил Рэя Блэквуда прямоком из дворца – для охраны моих несметных богатств, – запер в подвале и кормил по расписанию. Грохнешь Ливингстоуна, отдам в жёны любую из своих дочек. А то больно он задержался на этом свете, старый пень.

– С чего вдруг такая сердобольности, лорд Гилберт? – Гидеон всплеснул руками, только чудом не пролил при этом виски. – Прежде за вами такого недостатка не замечалось.

– Какая сердобольность, помилуйте, лорд Сангстер! Наследнички наши в этой школе благоденствия учатся. Боюсь, стигнут, с такими-то учителями.

– Сами научим, не привыкать, – отозвался я. Но мыслишка о скоропостижной кончине Мэддокса и архимагистра Академии как-то так приятно засела в голову. – Вот отмажусь от придворных обязанностей, восстановлю уже свою развалюху – видит Царица, давно пора была это сделать, – и возьмёмся натаскивать жертв современного образования. А дочек своих оставь себе, Тони, я для них староваю. Сколько им, кстати?..

– Арианне в этом году шестнадцать, Валери через месяц будет четырнадцать. Пора стовариваться о помолвках, да только пристойных женихов пока не наблюдается. Эх, милорды, знали бы вы, как хлопотно иметь дочерей!

О, ничуть не сомневаюсь. Особенно хлопотно их пристраивать в жёны – мне только за последний год поступило около десятка писем с предложениями. Даже среди светлых чародеев нашлась пара любителей экзотики: жажда одарить дочурку пристойной фамилией и местом при дворе оказалась сильнее ненависти к чернокнижнику. Жениться я не так чтоб планировал, но к невестам всё же присматривался – дом без хозяйки развалится, не успеешь и глазом моргнуть, а продолжить род я не просто должен – обязан, если не хочу, чтобы дом Блэквуд сгинул в песках времени.

Хотелось ли мне жениться? Не слишком, но какой мужчина вообще об этом помышляет? Гидеон обожает мою сестру, Тони, хоть и та ещё мороженная вобла, души не чаёт в Лианне, но они оба женились потому, что сперва влюбились в своих наречённых, а не потому, что того требовал долг. Не прогадали. Даже Гилберт, который расплатился с леди Ленорой Найтстар чуть ли не всем состоянием.

От необходимости придумывать худо-бедно пристойный ответ для папаши двух дочерей меня избавило мелькнувшее в пасмурном небе пятнышко. С такого расстояния толком не разглядишь, но я уже знал – это летит один из калонгов, принадлежащих Сангстерам. Огромные летучие лисицы в фамильярах были визитной карточкой некромантского семейства, точно так же, как гром-птицы у Лайтнингов.

– Твой?

– Нет, мой при мне, – тут же ответил Гидеон, рассеянно запустив пятерню в свои длинные космы цвета венозной крови. – Это Джинджер. Жи-инни. Тьфу на тебя, Тай, не мог фамильяру приличное имя подобрать?

– Она же девочка. И рыжая. Нормальное имя, – с усмешкой возразил я, позволив любимой питомице племянника устроиться у меня на плечах. Таскать на себе гигантское рукокрылое – то ещё сомнительное удовольствие, но после стольких лет якшания с Сангстерами и не к такому привыкнешь. – Привет, Джинни. Что у вас там стряслось?

Джинни, само собой, не ответила, однако в моей протянутой ладони материализовалась пара конвертов. Один для меня, другой для Гидеона.

– Ох, великие звёзды, – простонал тот, скривившись точно от боли, – ну что там такого могло случиться в первый же день?

Письма Тибериус писать умел. Ещё с первого курса слал домой короткие, но ёмкие сообщения обо всем мало-мальски подозрительном, что творилось в Академии. Мог бы и не слать, но то был наказ едва ли не всей родни, включая меня: отчитываться за каждую ерунду, чтобы ерунда не превратилась в нескончаемый... хм, бардак. Да и почтенный архимагистр Ливингстоун пребывал в тонусе и зазря не лез к чернокнижникам – пока у тёмных учился (и чуть что, мог пожаловаться родне) Тибериус Сангстер, портить жизнь ему и его однокурсникам он опасался.

Это письмо ни коротким, ни емким не было. Тай был взволнован, понаставил клякс и явно торопился.

Было с чего – я вот с добрую минуту пялился на желтоватый лист бумаги в своей руке и никак не мог вернуть себе дар речи. Воистину, письмо, начавшееся с «*Рэйнхарту Блэквуду, лорду Приозерья*» вместо привычного «*Привет, дядюшка!*», не могло содержать ничего хорошего.

Ну да вопрос в точке зрения, как любит говаривать Руфус Фарли, сегодня не сумевший почтить нас своим присутствием из-за подвернувшегося дельца.

Лисандра Сеймур, дочка чересчур громкого и туповатого вояки от чародеев, поступила в Академию Сумерек. Ничего особенного, в год туда поступает около трёхсот человек.

Лисандра Сеймур прошла через Горнило Небесного Огня и оказалась на факультете чернокнижников. Уже интересно – девица из чистокровной светлой семьи может оказаться тёмной, только если она бастард или подкидыш. Гаррет Сеймур туповат, но прямолинеен: он и ценой жизни не смог бы скрыть происхождения старшей дочери. А Аделаида Мартин, светская красавица с куриными мозгами, нипочём не могла повернуть такую аферу под носом у муженька. Или всё же могла? Поди разберись.

Лисандра Сеймур прокляла мелкого Гилберта, едва глянув на него; разрядила амулет, заговорённый Лианной; подожгла и расплавилась камень – очевидно, в ходе неудачной попытки его трансмутировать.

Лисандра Сеймур – совершенно точно Найтстар, о чём нетрудно догадаться любому чернокнижнику из тех, чьи семьи достаточно стары.

– Александр имел интрижку с Литой Мартин?! – подняв глаза от письма, шокировано поинтересовался Гидеон.

– Что, простите? – переспросил Тони, как-то резко выпрямившись на своём стульчике. Ему-то письма счастья не досталось.

– Поздравляю, лорд Гилберт, – скривился я в нервной усмешке, – теперь вы тоже дядюшка.

Тони задумался. Подергал себя за прядь тяжёлых тёмных волос – плохой жест, выдающий удивление и крайнюю нервозность. Насколько мне помнилось, Антониус Гилберт ни первым, ни другим не страдал. Удивлять он и сам умеет, напропалую обстрипывая такие делишки, за которые его на правах приятеля вечно костерит Руфус, мужик прямой и обстоятельный. Нервничать Тони не умеет вовсе. Эта участь достаётся тем, кто решает посоперничать в интригах с нынешним главой ушедшей семейки.

Однако же теперь он нервничает. Прямо как мы с Гидеоном, мигом просекшие, что ситуация принимает уж совсем интересный оборот.

– Рад безмерно, – протянул Тони с кривой ухмылочкой, едва дочитав сунутое мной письмо. – Башни посреди леса, катакомбы, схоронки у кого остались?

– У всех, – мрачно отозвался Гидеон. – Думаешь, придется прятать?

– Без сомнений, – кивнул я. – Александр, мир его праху, чудом дожил до тридцати. Бесхозную девчонку Найтстар, молодую, здоровую и плодовитую, грохнут ещё до окончания Академии.

Тони снова дёрнул себя за волосы, покусал губу. Думает. Ну или скорее прикидывает, как бы утихомирить жену – леди Лианна наверняка получила похожее письмо от своего драгоценного первенца и уже готовится разносить Академию по камешку, чтобы выцарапать оттуда племянницу.

Я содрогнулся и даже почувствовал Ливингстоуну – вбившие себе что-то в голову Найтстары воистину страшны и опасны. Даже если они уже давно Гилберты.

– Ну и кто из нас троих будет похищать принцессу? – поинтересовался Гидеон.

– Я, – отозвался я решительно. – Вам двоим ещё детей на ноги поднимать. Я тут единственный сыч, да и её величество давно порывается вернуть мне должок. Только нужно придумать, под каким предлогом я попаду в Академию.

– Придумаем, – пообещал Тони. – Но втроём не управимся.

– Леди Ленора, Лианна, Руфус...

– И наши дети, – вздохнул Гидеон, почти наверняка не желающий впутывать в авантюру своего наследника. – Видит Царица, наследнички у нас всех удались. Пиши Леноре и зови жену, Гилберт.

– А ты?

– А я, пожалуй, подыщу леди Лисандре башенку. Было у меня местечко подходящее. Сам Рыцарь не отыщет, Царицей клянусь.

Я скептически хмыкнул. Идея, конечно, здравая, да только как в ту башенку загнать девицу по фамилии Найтстар? Уговорами, обещаниями, угрозами? Не пойдёт, руку даю на отсечение. Силком? Так от той несчастной ухоронки камня на камне не останется...

Ладно, по ходу дела разберусь – и с девицей, и с башней, и с бардаком в Академии. Или я не Рэйнхарт Блэквуд.

Глава 4

Утреннее пробуждение было на редкость приятным... по крайней мере, первые секунд десять. Потом я распахнула глаза, в замешательстве уставилась на незнакомый потолок и... вспомнила.

Распределение. Шквал недобрых взглядов. Первый день занятий. Знакомство с наставником.

Горящий, мать его, камень.

Ругаться леди не пристало, но на ум упорно лезли слова – одно другого неприличнее. Великие звёзды, да как вообще можно было поджечь то, что не горит?!

Не горит. Но плавится. Правда, пламя должно быть настолько горячим, что мне даже вообразить трудно.

Вот только оно даже тёплым не было. И, сдаётся мне, к живому огню также не имело никакого отношения, но как эту штуку ещё назвать? Перекошенное в ужасе лицо преподавателя до сих пор стоит перед глазами. Может, он знает, что я натворила?

И... кто я такая? *Что* я такое?

– Проснулась? – послышался приветливый голос дежурного целителя – не запомнила её полного имени, но, похоже, все зовут её мисс Эбби. Милая девушка. И ни разу не выказала неприязни, чего я немного опасалась. – Не придуривайся, и так знаю, что да. Как самочувствие?

Улыбнувшись чуть кисло, села на постели. Самочувствие прекрасное, если говорить о физическом состоянии. На душе же... холодно, пусто и пыльно, как в заброшенной лачуге.

– Всё в полном порядке, мисс, спасибо вам.

Эбби нахмурилась и поджала губы, что на её округлом глазастом личике смотрелось странно.

– Смотри-ка, каменная что те горгульи, – пробурчала она. И, вздохнув, уже ласковее прибавила: – Лисандра, я, возможно, лезу не в своё дело, но мне было бы куда спокойнее, если бы ты закатила безобразную истерику и, не знаю... расколошматила что-нибудь? Тёмному магу вредно всё держать в себе, вы ж темпераментные – жуть. Поплачь хотя бы, пока никто не видит!

– Не могу, – пожав плечами, ответила я.

Действительно не могу. Даже вчера не вышло – руки-ноги ходили ходуном от очередного потрясения, но я просто сидела и пялилась в одну точку, пока вокруг суетились Стеф и почему-то задавака Лэндон. А затем, так и не сказав ни слова, позволила встревоженному Дику отволочь меня сюда, в лазарет.

– Потом как-нибудь. Спасибо ещё раз, мисс Эбби, можно я пойду?

– Иди-ка ты, – вздохнула та, – в ванную. Хоть помоешься нормально, раз уж всё равно здесь.

Помыться без толпы недоброжелательниц за спиной? Звучит и впрямь соблазнительно.

Неспешно приняв душ в тесной, но чистенькой кабинке, укуталась в пушистое полотенце и взялась за щётку для волос, что мне любезно одолжила целительница. Глянула на себя в простеньком зеркале, что висело над раковиной. Да так и застыла, не донеся расчёску до головы.

Это я?..

Девушка в отражении и впрямь выглядела знакомой. Лицо сердечком – широкий лоб с чуть заметным, но всё равно нелепым вдовым мыском, тонкие скулы, острый подбородок. Пухлые капризные губы, аккуратный прямой нос, большие глаза с приподнятыми уголками...

Глаза, прежде голубые, стали невероятного сине-фиолетового оттенка. Живые и выразительные, но какие-то потусторонние, они ярко выделялись на фоне непривычно бледного лица и белокурых волос.

Красиво. И жутко. Как будто тьма, поселившаяся внутри, выпила из меня все краски. Всю жизнь. Всё счастье.

Ужас сковал меня по рукам и ногам, горло стиснуло болезненным спазмом и...

И снова пустота. Слез как не было, так и нет. Хорошо это или плохо, ума не приложу.

Высушила волосы привычным закливанием, расчесала, вяло удивляясь их странному золотисто-серебряному отливу, и собрала в толстую косу. Снова взглянула на снежную королеву в зеркале, поморщилась, но тут же выразительно завела глаза к потолку. Подумаешь, выцвела немного! В остальном-то прежняя. Отнюдь не аристократические формы, старательно наетые на шоколаде и пирожных, никуда не делись, дурацкий мысок надо лбом – тоже. Возле левого глаза всё так же красуется небольшая родинка. Правая бровь по-прежнему чуть выше левой.

Ещё раз поблагодарив мисс Эбби, частично вернувшую мне веру в хороших светлых магов, я поспешила попрощаться. Хорошо, сумка и форма были при мне, не придётся бежать в комнату за вещами...

– Далеко собралась, красатуля? – послышался откуда-то сбоку вкрадчивый мягкий голос. Почему-то женский.

У стены, привалившись к одной из колонн, стояла девица. Темноволосая и темноглазая, с той самой фигурой, какой я обзаведусь, только если стану есть одно лишь мясо и не буду вылезать с занятий по физподготовке. Красивая. Не той красотой, что делает из юной девушки мечту каждого первого мужчины, но всё равно приметной и какой-то хищной: острые скулы, густые тёмные ресницы, тонкие губы, чуть длинноватый нос. Мужчины любят блондинок, факт... Зато от таких брюнеток не гуляют налево, справедливо опасаясь если не яда в бокале, то знатной оплеухи.

Девица выглядела знакомо – ну ещё, бы в тёмно-синей-то форме! – и я с трудом, но всё же припомнила, где её видела. В компании Тибериуса Сангстера и Ричарда Фарли, с которыми она вчера сидела за завтраком. И нет-нет, а косилась на меня, как косятся обычно на коварных соперниц или будущих кровных врагов.

– На завтрак, – отозвалась я, надеясь, что голос мой звучит достаточно спокойно. Не хватало ещё впасть в истерику и уж тем более продемонстрировать девице свою... своё...

– А лучше бы сначала надеть портки, – хмыкнула она, на моё явное недружелюбие никак не отреагировав. – Но завтрак так завтрак. Пошли.

– Зачем это? – удивленно поинтересовалась я, не понимая, с чего вдруг чернокнижнице беспокоиться о моём наряде. – И почему я должна куда-то с вами идти?

– В обморок падать удобнее, панталонами не светишь. А идти – потому что так приказал наш лорд. Ты идёшь, я играю в твою охрану. Всё ясно?

Нет. Не ясно. Я даже головой мотнула, откровенно не понимая, что несёт эта полоумная. Какой лорд, какая охрана? Я схожу с ума и у меня начались галлюцинации?..

– Лорд?

Вот так, Лисандра, правильно. Всегда начинай с самых тупых вопросов, чтобы твою протекающую крышу не сразу заметили и не определили к целителям. Впрочем, в медотсеке было не так уж плохо – тихо, светло, никаких девиц, и даже о собственных бедах удалось подзабыть. Или тому виной прорва успокаивающих зелий?

Точно. Иначе никак не объяснить, отчего я так туплю и не понимаю, что происходит.

– Лорд, – отозвалась девица как ни в чём не бывало. – В данном, случае – Сангстер. Пока Найтстары и Блэквуды прохладятся без детишек, он у нас сейчас самый умный, благородный и взрослый. Тебя что, Дики не просветил?

Я вновь коротко мотнула головой. Дики молчуном не назвать, однако сейчас я вдруг поняла, что весь его трёп был абсолютно бессодержательным. Природа, погода, сомнитель-

ные комплименты и ещё более сомнительные матримониальные планы. И ничего, абсолютно ничего важного.

Нет, сообразить-то я сообразила – чернокнижники действительно присматривают за первачками, не верить Стефу мне резона не было. Однако и не подозревала, что то было распоряжение Тибериуса, которое мои соратники по факультету отчего-то охотно исполняют. Если участие Дика ещё можно понять – Фарли и Сангстеры дружат уж несколько веков, – то вот добровольное согласие на службу сторожа от этой девицы представить трудно.

Свой страх. Вот что я не могу объяснить себе при взгляде на знакомую незнакомку. Она опасна, я чувствую это. Ощущаю кожей и прямо-таки непреодолимо хочу либо сбежать от неё подальше, либо поджечь, как тот камень...

Либо сдружиться. Потому как иметь во врагах потомственного демонолога поостереглись бы Сангстеры и Блэквуды вместе взятые.

Тёмные глаза, тёмные волосы, грозная стать... и татуировка в виде змеи, выглядывающая из-под рукава жакета. Татуировка двигалась, скалила пасть и даже шипела, словно норовя соскользнуть с чужого предплечья и впиться мне в шею.

– Насмотрелась? – вновь хмыкнула девушка, очевидно, приметив мое замешательство. – Узнала?

– Прочитала вообще-то, – отозвалась я не без сарказма. – Ты Октавия Кейн. У тебя на бирке написано.

В незапамятные времена Кейны были вполне себе Блэквудами – до сих пор сохранили ту же масть, характерную внешность и паршивый характер. Нет, сговорчивых ребят среди тёмных вообще не водится, уж это я успела уяснить, в том числе на своём примере, хотя тёмной-то была всего два дня. Но Блэквуды, а впоследствии и Кейны, которых из тех самых Блэквудов выгнали за «связь мерзейшую и всем богам противную со всякой нелюдью», по паскудству превосходили всех. Под «нелюдью» в данном случае понимались не абы кто, а самые настоящие демоны Пекла. И даже по меркам тёмных, известных своей неприязнительностью в постельных делах, это было нечто из ряда вон выходящее. Все знают, что Найтстары путались с фейри; Сангстерам приписывали связи с вампирами; Блэквудам... да тоже что только не приписывали. Однако же у большинства «наичистокровнейших» хватило ума пресечь все сплетни, сжечь пергаменты и гобелены, а особо болтливых извести под корень. Болтать-то болтают до сих пор, но доказательств нет, а по бальным залам да гостиным чего только не треплют.

Кейнам ума не хватило. Свое происхождение они не просто не скрывали – гордились. Да и скрыть такое, честно сказать, трудновато. Если простому демонологу, чтобы призвать какую-нибудь жуть, требуются пентаграммы, гексаграммы и прочие выкидыши прикладной геометрии, куча свечей, да не каких-нибудь, а специально заклётых, и хитровымудренный ритуал, Кейнам достаточно просто позвать. Щелкнуть пальцами, окликнуть... в общем, прилагать особые усилия для своей магии им ни к чему. Что уж там, поговаривают, их фамильяры – те же демоны из Пекла. И глядя на нарисованную змею, ползущую по руке Октавии, я в это охотно верю.

– Ну вот и познакомились, – с кривой усмешкой отозвалась она и снова зашагала по коридору. – Шевели туфельками, принцесса. Если мы с Крайтом останемся без завтрака, разрешу ему сожрать тебя.

Ну просто замечательно. Татуировка ещё и не татуировка вовсе, а самая настоящая змеюка. Прелестная компания, чудесные сокурсники.

Одна мысль не давала покоя. Октавия Кейн не просто дочь своего проклятого рода. Последняя дочь, единственный ребёнок. Отец, помнится, напился на радостях, когда узнал, что все проклятые твари убиты каким-то смельчаком, и сильно сокрушался, что Кейны не сгинули окончательно. Теперь эта мысль осела горечью на языке – я тогда была маленькой, очень боялась «проклятых тварей» и расстраивалась вместе с папой.

– Как тебя выпустили из дома? – ляпнула я первое, что пришло на ум. – Ты же...

– За дом испугались, вот и выпустили, – хмыкнула Октавия. Неохотно, но всё же повернула голову ко мне. – И охраняли потом три года, пока не поняли, что я и сама могу охранять кого угодно. Хоть её величество. Ещё вопросы?

Я мотнула головой, а затем, не удержавшись, всё же спросила:

– А меня тоже будут... ну... три года охранять?

– Тебя, красотуля, если понадобится, и все шесть охранять будут.

– Почему?

– Потому что, – отрезала Октавия. Как будто это всё объясняло! Но, видя моё явно недовольно лицо, она сжалилась. – Меньше знаешь – крепче спишь, слышала такую фразочку? Обратись к Таю. Захочет – расскажет.

– А если не захочет?

– Пригрози поджечь – чай не камень, не сдюжит, – пожала плечами она. Но на мгновение всё же улыбнулась. – Пошли уже, а то впрямь всё сожрут, оглоеды.

И мы пошли. По коридорам, светлым и пустым – очевидно, все и впрямь уже в столовой, вовсю уничтожают завтрак. Ну или хотя бы прогуливаются по территории Академии – погода сегодня солнечная.

Далеко, правда, не ушли. В тот момент, когда я уже ощутила запахи столовой, даже уловила тонкий аромат любимых шоколадных пирожных, дорогу нам вдруг перерезал Роберт. Надо же, а я ведь о нём даже не вспоминала до этой минуты...

Удивительные вещи с мозгами творит тёмная магия.

– Лисандра! – окликнул он меня, поспешил к нам.

Куда там. Октавия ловким движением задвинула меня себе за спину, вытащила из кармана брюк руку. А змея уже и не нарисованная вовсе а самая настоящая – шипит, переливается чешуёй, скалит клыки, с которых капает яд...

– Шел бы ты отсюда, Лайтнинг, – проговорила Октавия. – Видит Царица, я нынче не в духе.

– Если кому и стоит отсюда... – он покосился на меня и бранное слово всё же проглотил, – идти, то тебе, Кейн.

– Серьёзно?

– Вполне.

Вокруг Роберта угрожающе заплясал вихрь огоньков, отчего я вздрогнула – драки не хотелось, а как встрять в стычку между стражем и демонологом, я представления не имею.

Змея соскользнула с руки Кейн, подозрительно увеличилась в размерах, отчего стала напоминать не гадюку, а чуть ли не василиска. Раскрыла вовсе не гадючий капюшон...

«Ему конец», – подумалось мне. Странно так подумалось. Отстраненно.

– Убери, – велела Октавия.

От её тона и мне тут же захотелось убрать что-нибудь. Себя, например, и как можно дальше.

– Леди Кейн, прошу, не нужно, он просто хочет поговорить, – с трудом заставив себя отмереть, проговорила я.

– Леди? – удивлённо уставился на меня Роберт, скривившись при этом так, будто перед ним сейчас не две девушки, а какие-нибудь саламандры. – Помилуй, Лили, ты слишком добра. Вот это чудище – леди? Да как бы не так!

– За языком следи, Лайтнинг, – огрызнулась Октавия, а её змея зашипела. – Я тебе не неженка Фарли и не чистоплюй Сангстер. С дороги.

– Ты – Кейн, – выплюнул Роберт. – Тронешь меня, и даже на тюрьму можешь не рассчитывать.

– Это если твой труп найдут.

– Достаточно! – выкрикнула я с неожиданным металлом в голосе – на секунду показалось, даже стёкла в окнах задребезжали. Или не показалось? Оба спорщика вздрогнули и вытаращились на меня, отчего я смутилась и робко прибавила: – Леди Кейн, прошу, позвольте нам поговорить. Я не задержу вас надолго, обещаю.

Октавия странно прищурилась, задумалась, а потом всё же убрала свою змею. Я даже выдохнула – змей я не боюсь, но обычных, а не тех, которыми повелевают демонологи.

– Пять минут, – наконец отозвалась она. Махнула рукой в сторону укромного местечка между колоннами, которое успела приметить и я. – Время пошло.

– Ну и стерва, – возмутился Роберт, едва мы отошли подальше. – Чего ты с ней любезничаешь? Она же Кейн!

– Я стараюсь быть любезной со всеми, Роберт, – вне зависимости от фамилии собеседника, – сказала как отрезала. Может, я ему больше и не невеста, но осадить одной фразой по-прежнему могу. – Лэндон Гилберт и твоя сестричка не в счёт, они и святого рыцаря из себя выведут.

– Фарли, Гилберт, теперь вот Кейн. Хорошенькие знакомства, – пробормотал Роберт, но уже без прежнего запала. – Ладно, хоть Моргран туда-сюда... Где твоё кольцо?

А, вот он зачем явился. Как я раньше не сообразила?

Сунула руку в карман форменного жакета и достала оттуда кольцо, которое больше не желала носить – просто потому, что оно мне не принадлежит. А я больше не принадлежу Роберту. И почему-то эта мысль вызывает больше облегчения, чем печали.

Роберт взял кольцо и, к моему изумлению, решительно нацепил его обратно мне на палец.

– Чтоб больше не снимала, ясно? – стиснув мои руки в своих, заявил он горячо и как-то даже зло. – Оно твоё, и я тоже твой. Мои чувства к тебе не изменились, Лили.

Впервые за минувшие сутки я почувствовала что-то... нет, много всего и сразу. Нежность и щемящую тоску, радость и изумление. Неужели он по-прежнему хочет быть со мной? Неужели готов любить меня и такой?

Пару секунд я себе, конечно, помечтать позволила. А потом безжалостно выкинула прочь из головы все фантазии о нас с Робертом, стоящих против всего мира.

– Я изменилась, Роб, – выдохнула с сожалением. – Всего два дня прошло, а я уже себя не узнаю. Ни изнутри, ни снаружи.

– Ты стала ещё красивее, если это только возможно.

Он склонился ко мне, явно намереваясь поцеловать – и на сей раз я по-настоящему хотела, чтобы меня поцеловали, приласкали, обняли... отогрели. Хотела. Но не позволила.

– Какая разница, что ты чувствуешь, Роб? – гневно бросила я, упёршись ладонями в его широкую грудь. – Твой отец никогда не позволит нам пожениться. Уверена, он уже нашёл тебе новую невесту без сомнительных сюрпризов в виде некромантского дара...

– Да пусть катится в Пекло вместе с ней!

– Смелые слова, но вряд ли ты рискнёшь сказать это ему в лицо.

– Чтоб меня, Лили, именно это я и сделал! Не веришь, да?..

О, в это как раз верю. Мой неудавшийся женишок, как и всякий огненный маг, обладает норовом кипящего чайника.

– Не надо, Роб, – попросила я ласково, смягчённая его решимостью, и на сей раз сама взяла его за руку. – Ты можешь говорить что угодно, да только это ничего не изменит. Найди себе порядочную светлую девушку, которая будет тебя достойна, а меня оставь в покое, ясно? Я не для тебя.

Попыталась было откланяться и уйти, сочтя разговор оконченным. Но мне не дали.

– Я уже нашёл себе девушку, другой мне не надо, – выдохнул Роберт, до боли стиснув мои плечи. Воздух вокруг него опасно раскалился, а в синих глазах заплясали искры пламени.

Признаться честно, я боялась шевельнуться. – Ты моя, Лили, моя и ничья больше. Я не отпущу тебя. Не уйдёшь. Не позволю...

Да что он о себе воображает?! Неожиданно взъярившись, я сделала то, о чём раньше и помыслить не могла – влепила Роберту такую пощёчину, что он пошатнулся. И руки убрал, слава звёздам.

– Ты сделал мне больно, – холодно отчеканила я, глядя в его до смешного ошеломлённое лицо. – Приди в себя, Роберт. Продолжать разговор в таком тоне мы не будем – ни сейчас, ни когда-либо ещё.

И, смерив его крайне возмущённым взглядом – на плечах синяки ведь останутся, как пить дать! – решительной походкой направилась к откровенно веселящейся Октавии. Сильно наивно будет надеяться, что она нас не слышала? Ну да.

– Прошу меня простить, леди Кейн, – произнесла ровно, хотя внутри по-прежнему всё бурлило от злости. – Я не хотела устраивать сцену.

– Хотела, – возразила она и кривовато улыбнулась. – И устроила. Молодец, принцесса. Пошли уже, пока твой женишок обтекает.

И мы пошли. Снова. Роберт остался где-то позади и не спешил меня догонять, я же вяло теребила в кармане пиджака кольцо, которое вновь сняла. Красивое, роскошное, должно быть, реликвия дома Лайтнинг... Интересно, найдёт ли лорд Ричард заклинателя, чтобы проверить колечко на проклятия? Найдёт, скорее всего. Каждому светлому известно, что принимать подарки от некромантов – затея гиблая.

– Сеймур, – окликнула вдруг Октавия, остановившись прямо у дверей столовой. Повела пальцами, и я ощутила, как над нами повисла заглушка.

– Да?

– Обидит кто по зиме, вздумаешь проклясть в отместку – сначала зови меня, поняла?

– Зачем? – непонимающе уставилась на неё.

– Земля мёрзлая, могилку копать трудно, – с легким и совершенно неискренним смешком отозвалась она. – А я про трупы не шутила.

– Но я не понимаю...

– Поймёшь. Всё, теперь жрать, – она первой толкнула дверь, быстро огляделась и, уцепив меня за локоть, втощила внутрь уже знакомого зала. – Вон твоя свита, принцесска. Иди, одаривай королевским благоволением!

Старательно игнорируя хмуро-пристальный взгляд Тибериуса Сангстера – денег я ему должна, что ли? – отправилась на линию раздачи и, нагрузив поднос, села за полупустой стол рядом с новыми знакомыми. Которых сегодня было трое.

– Чем обязаны такой чести, Лэндон? – вздёрнув бровь, изумилась я. – Вчера ты не особо рвался потусоваться с неудачниками.

– Решил заняться благотворительностью, – протянул Гилберт и отсалютовал мне пузатой кружкой, словно держал в руках как минимум фужер с мелантским золотым вином. – Ладно тебе, Лили, не дуйся. Прости, был неправ, для светлой клуши ты очень даже ничего...

– Гилберт, ты же не подкатываешь ко мне, правда? – искренне ужаснулась я. – Если да, то у тебя это выходит ещё хуже, чем извиняться.

– Да упаси Царица! – столь же искренне вознегодовал Лэндон. – Это как с родной сестрой лизаться! Ты себя в зеркале видела?

– Видела, – я нахмурилась, вертя в руке вилку. – Хочешь мне ещё что-то сказать?

– Хочу, – ответил он неожиданно серьёзно. – Но не здесь. Позже.

– Ты как, в порядке? – спросила Мира, обеспокоенно разглядывая меня. – Мы вчера ходили тебя навестить, – Стеф кивнул в подтверждение её слов, – но нас не пустили. Сказали, ты спишь.

– Да, я проспала большую часть времени, – с улыбкой кивнула я. – Но всё равно спасибо. О, и я опять не знаю расписания.

– Сегодня, мисс зубрила, твоя любимая энергофизика, – фыркнул Гилберт, кромсая ножом стопку блинчиков, щедро сдобренных маслом и клубничным сиропом. – А потом начерталка. После обеда – профильные, но мы трое гуляем, пока Десмонд сидит чахнет у Гримвард на кафедре.

– Ты всегда такой засранец? – нежно осведомилась Мира, смерив его далёким от восторга взглядом. – Вопрос риторический, если что. Ответ у тебя на лбу написан.

– Как же, на лбу. Нечего мне в голову лазить!

– Ой, да там небось смотреть не на что.

– Я бы не рискнула проверять, – усмехнулась я. – Уймись, Лэндон, сам же первый начал. Почему гуляем-то?

– У этого оленя Мэддокса какие-то срочные дела. Поди боится, что ты ему круп подпалишь. Я бы на его месте бежал за Рассветное море, сучать никто не будет.

Я покачала головой и отправила в рот ломтик сочной ветчины. Обижаться на Лэндона глупо – он и впрямь засранец, характер у него такой. Но вроде бы не сволочь – помог же вчера? Пусть даже и имея на это свои причины. В бескорыстие тёмного мага по фамилии Гилберт как-то не особо верится.

Сегодня мы снова очутились в поточной аудитории под номером четыре, уже привычно сели на ближайшие к входу места. Краем глаза заметила, что другие тёмные следуют нашему примеру. «Смотрите-ка, мы ввели новую моду!» – тут же протянул ехидный Лэндон.

Энергофизика и начерталка в расписании почти всегда стоят рядом, к этому мы все ещё со школы привыкли. Первый предмет нужен для расчёта выходных мощностей заклинаний с учётом всевозможных констант и переменных величин. Второй – для графической записи заклинаний при помощи основных рунических алфавитов. Звучит проще, чем первое, но на деле почти то же самое: здесь также есть множество правил, свойств и теорем, которые всегда необходимо держать в голове. Кроме того, каждой руне соответствует свой жест и своё магическое плетение.

Мне оба предмета очень нравились ещё со времён средней школы: всё логично, разложено по полочкам, подчиняется определённым правилам. Много чего надо держать в уме, но мне было несложно – я прилежная, быстро схватываю, да и на память никогда не жаловалась.

Энергофизику вела магистр-нейтрал, на удивление молодая девушка, рыжеволосая и смешливая. Из магистра Трюдо она довольно споро и охотно превратилась в мисс Селин, а явная любовь к своему предмету в ней сочеталась с удивительным талантом подать и разъяснить материал так, что усвоит даже самый нерадивый студент. Объясняла она доходчиво, с примерами, при этом не нагружая нудной теорией – формула, краткое пояснение, пример вычисления и бонусом какой-нибудь весёлый случай из практики. Однокурсники явно прониклись, я же и вовсе была на седьмом небе от счастья, даром что ничего нового пока не узнала – сегодняшней день мисс Селин отвела под повторение пройденного.

В общем, час пролетел незаметно, а получасовой перерыв – без происшествий. Бекки с её подпевалами злобно косились на нас, но не подходили. Уж не знаю, то ли им надоело меня задирать, то ли какую гадость задумали. Или же просто Лэндона испугались. По крайней мере, сам Лэндон был железно убеждён в последнем.

– Дранные кошки, – припечатал он, смешно скосившись одним глазом на Бекки и её подружек.

– Не обижай кошек, – фыркнула Мира. – Они красивые, умные и изящные. А тут... Ни ума, ни красоты, только спесь.

– Одним словом, светлые, – Лэндон скривился, а затем вдруг в манерном жесте сложил руки на груди и заверещал тонким противным голосом: – Ах, леди Лори, как вам моё платье! Ах, леди Бяка, этот зеленый так вам к лицу, и даже цвет один в один!

– Он вчера в столовке с ними сцепился, – пояснил Стеф, когда мы кое-как отсмеялись. – Светлым дуручкам пришлось несладко, а прозвище «долбанутая Бекки» ушло в массы... Под конец их старосты разнимали. Жаль, ты не застала эпохальное сражение.

Я невольно прониклась к Лэндону симпатией. Видят звёзды, он мне гораздо больше нравится, когда задирает не меня, а моих бывших подружек! Жалко последних не было ничуть: их сложно назвать беспомощными и невинными овечками.

Едва перерыв подошёл к концу, в аудиторию стремительным шагом вошла женщина средних лет. Куратор заклинателей, если не ошибаюсь. Как и магистр Гримвард, она предпочитала брючные костюмы, но, в отличие от куратора менталистов, даже в таком эпатажном наряде выглядела скучно и непривлекательно. Хотя костюм явно недешёвый, пошитый на заказ, и сама женщина довольно симпатичная – высокая, стройная, хороша с лица. Густые каштановые волосы стянуты в такой тугий узел, что и смотреть больно; тонкие, слегка тронутые помадой губы неодобрительно поджаты, а светлые глаза смотрят пронзительно и сурово.

– Доброго дня, господа студенты, – говорила она тоже не слишком приятно, как-то резковато и... напыщенно, что ли. – Даниэлла Чейз, магистр кафедры заклинательства. Вы обращаетесь ко мне «магистр Чейз» и никак иначе: я, в отличие от своих коллег, не поощряю панибратства.

Да можно подумать, кому-то придёт в голову назвать её «мисс Даниэлла». И дело тут не в панибратстве, просто эта тётка, по-другому не скажешь, явно не любимица студентов. Сложно снискать чьи-либо симпатии, когда всё время так и норовишь напомнить окружающим, что ты целый магистр и кучке вчерашних школьников совсем не ровня. Высокомерие ещё никого не украсило.

Ладно, я же не дружить с ней пришла, а учиться рунологии. Может, она преподаватель хороший?

Ну, по крайней мере неплохой, если судить вводной лекции, также посвящённой повторению школьной программы. Сухо, в сравнении с мисс Селин – скучновато, но всё-таки не слишком нудно и строго по делу.

Затем на нас свалилась «небольшая контрольная работа», и я окончательно убедилась – мисс Чейз среди учащихся не в почёте. (Лэндон явно уже раздумывает, как бы половчее подбросить пару фунтов грифоньего дерьма ей в кабинет.) Хотя проверка без малого трёх сотен работ за двадцать минут – это, конечно, впечатляет.

– Я крайне разочарована, господа, – заявила она, едва листки с контрольными разлетелись по адресатам. И физиономию соорудила такую, словно мы на тех листках костерили её родню до седьмого колена. – Судя по всему, нам предстоит очень много работы. Столь вопиющего пренебрежения к своему предмету я терпеть не намерена.

Поправочка – учащиеся её наверняка просто ненавидят. И я охотно примкнула к их рядам, едва увидела свою контрольную, исчерканную алыми чернилами. Судя по злобному бубнежу со всех сторон, досталось не только мне, но... но...

У всех людей есть недостатки. И, наверное, тёмная магия вытаскивает их наружу. Я и в прежние времена была упрямой, настойчивой и несколько тщеславной, однако сейчас и мысли не возникло промолчать, смириться с несправедливой оценкой.

– Что это значит? – выпалила я, не особо трудясь понизить голос. – Я всё сделала правильно!

– В самом деле, мисс Сеймур? – ледяным тоном осведомилась Чейз, стянув губы в нитку. – Вы меня не услышали, когда я говорила о важности соблюдения порядка во всём, включая даже простейшие рунные цепочки? Очевидно, ваш предыдущий учитель дал вам

излишне завышенное представление о ваших способностях, однако спешу огорчить – вы не магистр, чтобы переиначивать и сокращать классическую запись.

– Мне и не нужно быть магистром! Константы на своих местах, заклинание стабильное, полностью рабочее, а остальное, согласно шести принципам Хэнлона, остаётся на...

– Принципы Хэнлона мы обсудим в конце второго курса, мисс Сеймур, – отрезала Чейз, уперев руки в бока. – А пока знайте своё место. Вы первокурсница, извольте подчиняться общим требованиям.

– Но это же абсурдные требования! – воскликнула я. И, к немалому удовлетворению, услышала согласное бормотание со всех сторон.

И тут Бекки, разумеется, стерпеть не смогла.

– Наша мисс Зубрила села в лужу, какая жалость...

– Смотри, как бы самой лужу не наделать, грёбаная ты сука! – рявкнула я, вскочив со стула и не помня себя от бешенства. Перед глазами аж цветные пятна засверкали, а руки затряслись. – Немоты тебе, значит, было мало?! Да гори ты!..

Лэндон, довольно присвистнувший на первой части фразы, резко подорвался и зажал мне рот ладонью.

– Тихо, тихо, Лили, не надо «гори», прошу, – забормотал он, точно силясь успокоить взбешённую кошку, – она ж не камень, за неё нам та-ак влетит! Свидетелей, опять же, куча...

– Достаточно, мистер Гилберт, – произнесла магистр Чейз дрожащим от ярости голосом. – А вы, мисс, идите и обсудите ваше отвратительное поведение с архимагистром...

– Непременно обсужу, – уверила я, отпихнув Лэндона и закинув сумку на плечо, – чем преподаватель отличен от бешеной тётки с комплексом богини.

– Да как вы смеете?! Думаете, подобное хамство вам сойдёт с рук?

– Нет, но что ещё мне терять? – огрызнулась я, чуть не бегом идя к выходу. – А вам желаю провалиться на этом самом месте!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.